

Виктория
ЗОЛотоВА

ИЗМЕНА

Я НЕ ДАМ ТЕБЕ УЙТИ

Виктория Золотова

Измена. Я не дам тебе уйти

«Литнет»

2025

Золотова В.

Измена. Я не дам тебе уйти / В. Золотова — «Литнет», 2025

Моя НОВИНКА♥#Всего-то три часа полета, полчаса на такси и вот я уже подхожу к номеру моего мужа, чтобы сделать ему сюрприз в такой особенный для нас день. Вхожу и тут же замираю, услышав странный звук...Сердце замирает. Я моргаю, не сразу осознавая, что это было. А потом снова – тихий, низкий женский стон.Моё дыхание перехватывает.Нет. Нет, мне просто показалось. Это телевизор, может, музыка?Толкаю дверь и застываю.На кровати лежит не одна фигура – их две. Моего мужа накрывает женское тело, его руки на её бёдрах, губы в её волосах. Они даже не слышат меня. Её пальцы царапают его спину, её рот издаёт глухие стоны. Я чувствую их на своей коже, как ожоги.Голова гудит. Воздуха не хватает.Это не он. Это не может быть он.Моргаю, пытаюсь сосредоточиться, хочу найти объяснение, хоть какое-то.Может, я ошиблась номером? Может, это не Никита?Но его голос... его движения... Грудь сводит спазмом.Никита замечает меня.Вижу, как его лицо застывает от неожиданности:— Олеся?!.. Что ты здесь делаешь?ХЭ.

© Золотова В., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуал Никита	10
Визуал Олеся	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	36
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	43
Глава 17	45
Глава 18	48
Глава 19	51
Глава 20	54
Глава 21	57
Глава 22	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

— Олесья, ты не могла просто так сорваться и уехать! — Раздражённый голос начальницы врывается в сознание. — У нас отчёты, дедлайны, а ты мне с этой поездкой. Это несерьёзно!

— Я предупреждала вас ещё неделю назад, — говорю, сдерживая раздражение. — Это не спонтанное решение. Я всё сделаю, — пытаюсь объяснить, стискивая телефон в руке. — У меня с собой ноутбук, буду работать удаленно. Честное слово, всё будет вовремя.

— Олесья, работа требует ответственности, — её голос звучит твёрдо, как сталь. — У нас на носу отчёты, а ты решаешь в последний момент исчезнуть. Мне нужны люди, на которых можно положиться. — Её голос звучит истерично. — Если всё будет так, как ты говоришь, зачем тебе вообще уезжать? Олесья, будь ответственной!

— Я ответственная. Именно поэтому предупреждала вас заранее о том, что не смогу работать в выходные. Потому что у меня есть личная жизнь. И этот день для меня важен, — с нажимом произношу я.

— Личная жизнь? — Её голос остаётся ровным, но жёстким. — Все хотят отдохнуть, но есть обязательства. Если каждый начнёт ставить свои дела выше работы, что тогда? — Это работа. Ты думаешь, кто-то тебя будет ждать с распростёртыми объятиями, если завалишь проект?

Я сжимаю кулаки, но голос остаётся ровным:

— Я ничего не завалю. Всё будет сделано в срок.

— Если ты не сдашь отчёты в срок, считай, что это был твой последний отпуск на ближайший год, — предупреждает она. — Но если нет — в следующий раз таких поблажек не жди.

Кладу трубку и чувствую, как пальцы слегка дрожат. Это было сложно, но я вырвалась.

Влажный морской воздух ударяет в лицо, как только я выхожу из терминала аэропорта Сочи. Ночной город переливается огнями, вдалеке шумит море. Сердце колотится — от волнения, от предвкушения. Я здесь, и теперь мне ничего не сможет помешать сделать мужу сюрприз. Сегодня всё должно быть идеально.

Такси жду недолго. Водитель, пожилой грузин с густыми седыми бровями и доброй улыбкой, приветливо открывает мне дверь.

Сажусь в машину и чувствую, как эмоции начинают зашкаливать. Ещё немного, и я буду рядом с Никитой. Он точно даже и подумать не может, что я в Сочи. Утром я сказала ему, что весь день буду загружена работой, и ему и в голову не придёт звонить мне.

Слышу, как водитель закрывает багажник и быстрым шагом идёт за руль:

— Добрый вечер, красавица! Куда едем?

— В «Гранд-Марин», — уверенно называю отель.

Никита всегда выбирает только лучшее. Высокие звёзды, безупречный сервис. Так что сомнений нет.

— О, хороший отель! — одобрительно кивает таксист, трогаясь с места. — Вы, наверное, не первый раз в Сочи?

— Первый, — признаюсь, любуюсь огнями города. — Хочу сделать сюрприз мужу.

— Ах, сюрприз! — он улыбается ещё шире. — Это замечательно! Вот и мне бы жена сюрпризы делала! А только ворчит. Ваш муж будет счастлив, даю слово!

Невольно улыбаюсь в ответ:

— Надеюсь...

— Конечно! — он машет рукой. — Я много лет за рулём, видел всякое, но когда человек летит через всю страну ради любимого — это настоящая любовь! Дай Бог вам счастья, девочка моя.

Дорога тянется через освещённые улицы, мимо пальм, мокрого после недавнего дождя асфальта. Чёрное море скрывается за полосой отелей, его гул слышен даже через стекло. Внутри меня нарастает волнение. Я скучала по нему. Чёрт, как же я скучала.

Отель действительно шикарный. Высокие колонны, мраморный холл, аромат дорогого кофе в воздухе.

Подхожу к стойке регистрации, ловя улыбку администратора — молодой девушки с безупречно уложенными волосами.

— Добрый вечер, чем могу помочь? — вежливо спрашивает администратор.

— Добрый вечер! Я прилетела к мужу, хочу взять дополнительный ключ от его номера.

Никита Громов, — произношу, стараясь скрыть улыбку.

Девушка смотрит в монитор, а потом смущённо поднимает глаза:

— Простите, но я не могу выдать вам второй ключ. В номере уже зарегистрирован ещё один гость.

Я моргаю, не сразу понимая смысл её слов.

— Что?.. Подождите, может, это какая-то ошибка? — встревоженно смотрю на девушку.

Она опускает взгляд и несколько секунд смотрит в экран компьютера.

— Нет... Ошибки нет. — с натянутой улыбкой произносит она, вновь посмотрев на меня.

Чувствую, как ладони начинают потеть от тревоги. Вот чёрт. А они ещё называют себя пятизвёздчным отелем. Даже не могут нормально с программой разобраться. Или найти себе нормального администратора. Уверена, что это какая-то ошибка.

— Я могу просто подняться к нему? — недовольно смотрю на девушку.

Она мягко улыбается, но во взгляде читается напряжение:

— Вообще-то нет. Я могу позвонить вашему мужу и попросить, чтобы он спустился для подтверждения.

Чувствую, как все мои планы начинают рушиться с каждой секундой. Всё внутри закипает.

— Девушка. Вот мой паспорт, — протягиваю ей. — Там все данные для подтверждения.

Администратор берет паспорт и, лупая глазами, пристально изучает документ.

— Я всё понимаю, но...

Резко наклоняюсь к администратору:

— Девушка, я хочу сделать мужу сюрприз. И если вы сейчас ему позвоните, то всё испортите, — произношу шёпотом.

Администратор тяжело выдыхает и оглядывается по сторонам:

— Ладно, можете пройти.

— Спасибо, — произношу с натянутой улыбкой.

Пальцы цепляются за ремешок сумки, иду к лифту, но внутри что-то тянет назад, словно предупреждает: «Олеся, не ходи». В груди растёт ледяной комок. Я ощущаю, как ладони холодеют. Что, если...

Нет. Всё в порядке. Всё должно быть в порядке.

Поднимаюсь на этаж, прижимая ладонь к груди, будто могу успокоить бешено стучащее сердце. Представляю, как Никита обнимет меня, прижмёт к себе, проведёт пальцами по волосам. Господи, как же я соскучилась по нему.

Шаги отдаются в голове барабанной дробью. Дверь его номера передо мной. Я набираю воздух в лёгкие, чтобы сдержать бешеный ритм сердца.

Дверь поддается, и я осторожно захожу внутрь. В номере полумрак, только слабый свет ночника бросает мягкие тени на дорожную мебель. Чемодан Никиты стоит у стены, его пиджак небрежно висит на спинке кресла. Всё здесь пропитано его присутствием, его запахом. Я улыбаюсь — он не ожидает меня, не подозревает, что через секунду я окажусь рядом.

Делаю еще несколько осторожных шагов в глубь, и вдруг до меня доносится звук. Приглушённый, тянущийся, слишком интимный.

Сердце замирает. Я моргаю, не сразу осознавая, что это было. А потом снова – тихий, низкий женский стон.

Моё дыхание перехватывает.

Нет. Нет, мне просто показалось. Это телевизор, может, музыка?

Делаю шаг вперёд, медленно, на цыпочках, и звук становится громче. Глухие удары о матрас, тяжёлые, рваные вдохи.

Останавливаюсь у двери в спальню, ладонь тянется к ручке, но пальцы дрожат. Всё внутри меня кричит: «Не надо!» Но я уже не могу остановиться.

Толкаю дверь и застываю.

На кровати лежит не одна фигура – их две. Моего мужа накрывает женское тело, его руки на её бёдрах, губы в её волосах. Они даже не слышат меня. Он двигается в ней так, как когда-то двигался во мне, с той же нетерпеливой жадностью. Её пальцы царапают его спину, её рот издаёт глухие стоны. Я чувствую их на своей коже, как ожоги.

Голова гудит. Воздуха не хватает.

Это не он. Это не может быть он.

Моргаю, пытаюсь сосредоточиться, хочу найти объяснение, хоть какое-то.

Может, я ошиблась номером? Может, это не Никита?

Но его голос... его движения... Грудь сводит спазмом. Мир рушится, превращаясь в груды обломков, оседающих на дно моего сознания. Я не кричу. Не скидываю руки. Просто стою.

Никита замечает меня.

Вижу, как его лицо застывает от неожиданности:

— Олеся?.. Что ты здесь делаешь?

Глава 2

Не отвечаю.

Просто как дура смотрю на этих двоих, не в силах пошевелиться.

Внутри всё выворачивает наизнанку. Воздух давит на грудь, мешает дышать. Хочу что-то сказать, закричать, но язык будто прилип к нёбу.

Боль разрастается волнами, разрывая меня изнутри, разливаясь по венам кипящей лавой.

На секунду прихожу в себя и понимаю, что если я сейчас не уйду, то просто упаду в обморок. Я просто не выдержу этого. Не могу больше оставаться и видеть эту картину. Разворачиваюсь и бросаюсь к выходу.

Меня трясёт.

Горло сдавливают судорога, слёзы подступают к глазам, но я их не пускаю. Я должна уйти. Немедленно.

Дышать нечем. Воздух густой, пропитан чужими духами, алкоголем и предательством.

Не успеваю сделать даже пары шагов, как грубая, горячая рука обхватывает моё запястье.

Пытаюсь вырваться, но Никита держит крепко.

— Пусти! — мой голос срывается, превращаясь в хриплый крик. — Пусти меня, Никита!

— Олесья, подожди! — его голос сдавленный, чуть замедленный.

Вижу в его глазах мутную пелену.

Черт возьми, да он пьян!

Меня передергивает. Никита пьян, да еще и в постели с другой. На нашу годовщину.

Господи. Господи, за что?

— Убери руки! — шиплю я, дёргаясь изо всех сил.

Но Никита только сильнее притягивает меня к себе. Его хватка жёсткая, пальцы впиваются в кожу. Больно.

— Дай объяснить... — он говорит медленно, будто с трудом подбирает слова. — Это... это не то, что ты думаешь...

— Не то?! — почти кричу.

В груди что-то разрывается, и я больше не могу сдерживаться. Весь мой мир только что рухнул, а он говорит мне, что это «не то»?!

— Ах да, — усмехаюсь. — Может, мне сейчас показалось, что ты в постели с шлюхой?!

За спиной раздаётся звук движения по простыням.

— Ты вообще в своём уме?! — раздражённо бросает девка, резко садясь в кровати и натягивая простыню на грудь. — Что за цирк? Ты нормальная? Врываешься сюда, орёшь, устраиваешь истерику! Ты кто такая вообще?!?

Никита резко обрывает её:

— Заткнись! — рычит он, даже не глядя на неё.

В его голосе столько резкости, что даже я вздрагиваю.

Резко оборачиваюсь на мерзавку.

Сердце рвётся из груди, ярость пульсирует в висках. Хочется ударить её, стереть с лица это высокомерное выражение.

Она сидит на кровати, такая уверенная, с высоко поднятым подбородком. Глаза её сверкают злостью, но в уголках губ играет едва заметная усмешка.

— Я его жена, — выплёвываю я, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Она замолкает, её рот приоткрывается в немом удивлении.

Она не знает. Она вообще ничего не знала. Её взгляд метается между нами, и в её глазах я читаю замешательство.

— Жена?.. — в её голосе неприкрытое удивление.

Она моргает, будто пытаясь осмыслить услышанное, а затем резко переводит взгляд на Никиту.

— Это правда? — в её голосе сквозит недоверие, а в глазах – зарождающаяся злость. — Ты женат?!

Никита медлит. Его пальцы ещё крепче сжимаются вокруг моего запястья, но теперь я вижу – не только от желания меня удержать, но и от напряжения.

— Не твоё дело, — бросает он, не глядя на неё, но это только сильнее её злит.

— Что значит «не моё»?! — её голос срывается на визг. — Ты меня, значит, трахал, а жену забыл предупредить?!

Не могу сдержать нервный смешок. Это просто какая-то нелепая, отвратительная трагикомедия.

— О, так ты тоже жертва, да? — отрезаю я, сверля её взглядом. — Что ж, у нас с тобой есть кое-что общее.

Она открывает рот, явно собираясь ответить, но Никита перебивает её:

— Я сказал, замолчи!

Любовница раздражённо шипит, с силой дёргает простыню и, кажется, впервые за всю сцену чувствует себя не такой уверенной.

Вырываю руку из хватки Никиты и отступаю назад.

— Боже... — выдыхаю я, глядя на него. — Насколько же ты жалок...

Никита недовольно хмурит брови и делает шаг ко мне.

Отступаю ещё дальше.

— Олеся, не смей уходить. Иначе я...

— Не смей больше произносить моё имя, — резко обрываю его.

Он останавливается. В глазах всё ещё туман, но теперь там мелькает что-то ещё — страх? Вина? Поздно.

Хватаюсь за ручку, рывком открываю дверь и выбегаю в коридор.

Воздух в гостинице кажется стерильным и холодным. Светлые стены, дорогие ковры, ровный свет ламп — всё слишком спокойное, слишком чужое.

Я стою посреди этого безупречного уюта и не понимаю, что делать.

Куда идти? Что теперь?

Визуал Никита

Никита

Внешность: высокий, подтянутый, с тёмными волосами и уверенной осанкой. Одевается дорого, следит за собой, любит хороший парфюм. У него твёрдые черты лица.

Характер: харизматичный, привык получать желаемое. Амбициозен, уверен в себе, умеет убеждать людей.

Привычки: вспыскивает резко, но также быстро берёт себя в руки. Может быть ласковым, но чаще действует с позиции силы.

Отношение к Олеге: позволил себе предательство, возможно, не осознавая до конца его последствий. Не ожидал её появления, а теперь не знает, что делать – злиться, оправдываться или пытаться её остановить.

Визуал Олеся

Олеся

Внешность: стройная, ухоженная, с густыми светлыми волосами и выразительными глазами. У неё мягкие черты лица, но взгляд твёрдый, когда она зла или решительна. Одевается элегантно, любит классические вещи, но в повседневной жизни выбирает удобство.

Характер: сильная, эмоциональная, но умеющая держать себя в руках. Ответственная, не боится отстаивать своё мнение. Готова бороться за своё счастье. Сначала цепляется за надежду, но если осознаёт правду, становится холодной и отстранённой.

Привычки: когда волнуется, перебирает пальцами край одежды или закусывает губу. Не любит конфликты, но если задевают её гордость – вспыхивает мгновенно.

Отношение к Никите: любила его, верила ему. Приехала в Сочи, чтобы сделать сюрприз, но получила удар в сердце. Теперь внутри неё хаос – боль, гнев, обида и полное непонимание, что делать дальше.

Глава 3

Иду по коридору, но ног почти не чувствую.

Воздух здесь кажется тяжёлым, вязким, как в кошмарном сне. Дыхание сбивается, хватаю ртом воздух, но легче не становится.

Как он мог? Как он мог изменить? Почему?

Грудь сжимает тупая, ноющая боль, растекается по телу и превращается в ледяной комок в животе. Какого чёрта это происходит со мной? За что?

Осторожно бросаю взгляд через плечо. Никита... А вдруг он пойдёт за мной? Попытается остановить? Снова схватит за руку, начнёт оправдываться?

Страх обрушивается новой волной.

Нет, я не могу дать ему шанса. Я должна уйти, пока он не очнулся от своей пьяной затуманенности. Пока не решит, что можно ещё что-то исправить.

Ускоряю шаг, почти бегу.

Дыхание сбивчивое, в ушах шумит кровь. Мне нужно поскорее выбраться из этого проклятого отеля.

Захожу в лифт, дрожащими пальцами нажимаю кнопку первого этажа.

Двери закрываются, и я остаюсь одна. Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с собственным отражением в зеркале.

Глаза покрасневшие, губы дрожат.

Чужая.

Я выгляжу чужой даже для себя.

Но я не могу сломаться. Не сейчас.

Опускаю взгляд и просто жду, пока дверь лифта откроется. Стараюсь вообще ни о чём не думать.

Но у меня из головы совершенно не выходит эта мерзкая картина.

Кажется, что это всё просто дурацкий сон. Розыгрыш. Но точно не реальность.

Двери открываются, и я, не поднимая голову, выхожу из лифта. Делаю шаг и тут же сталкиваюсь с девушкой-администратором, той самой, что выдала мне ключ.

Она едва не роняет папку с документами, а потом поднимает на меня взгляд и замирает.

— Господи... — тихо произносит она, сжимая папку в руках. — Вы в порядке?

— Да, всё хорошо, — выдавливаю я с натянутой улыбкой, но голос выдаёт меня.

Он слишком глухой, слишком дрожащий.

Она смотрит внимательно, чуть прищурившись, будто видит меня насквозь.

Чувствую, как её взгляд скользит по моему лицу, выискивая следы слёз, по трясущимся пальцам, которые судорожно сжимают ремешок сумки.

— Может, вам чем-то помочь? — тихо переспрашивает она, как будто поняв, что произошло.

— Нет, спасибо, — бросаю резко. — Мне нужно идти.

Девушка моргает, оглядывается по сторонам, будто проверяет, нет ли поблизости кого-то постороннего, а затем неожиданно хватает меня за локоть и утягивает в сторону от лифтов.

— Эй... — резко отдёргиваю руку, глядя на неё с непониманием. — Что вы делаете? Я в порядке! — стараюсь придать голосу уверенности.

Она даже не вздрагивает. Только сжимает губы, выпрямляется и смотрит на меня настойчиво, уверенно, будто уже всё поняла.

— Послушайте, — говорит она твёрдо. — Я не пытаюсь лезть не в своё дело, но вижу, что вам нужна помощь.

Сжимаю губы, чувствуя, как снова накатывает паника.

Мне хочется просто уйти, закрыться в себе, не слышать никого.

Но, кажется, других вариантов у меня нет. Ведь я понятия не имею, куда идти, где остановиться. А эта настойчивая девушка сейчас как нельзя кстати. Может, я смогу узнать у нее, где тут ближайший отель?

Вдыхаю глубже, стараясь успокоиться.

Чёрт.

— Ладно, — говорю я тише. — Я вас слушаю.

Она чуть наклоняет голову и внимательно смотрит на меня:

— Вам есть куда идти?

— Нет... — выдыхаю я, чувствуя, как в горле встаёт ком. — Если вы поможете мне, я буду вам очень признательна.

Она кивает и начинает рыться в кармане жилета:

— Вот, возьмите, — достаёт визитку и суёт мне в руку. — Здесь недалеко небольшой отель, уютный. Я знаю владельца, скажите, что от меня.

Опускаю глаза на визитку. Пальцы едва слушаются, когда я сжимаю её.

— Спасибо, — говорю шёпотом, пытаюсь сдержать слёзы.

Она просто кивает, без лишних слов. Потом выпрямляется и спокойно говорит:

— Удачи вам.

Отворачиваюсь.

Не хочу видеть сочувствие.

Прохожу через холл, стараясь не встречаться взглядом ни с кем.

Спокойно. Просто иди.

Забираю свой багаж, который оставляла рядом со стойкой регистрации, и только тогда направляюсь к выходу.

Чемодан кажется тяжёлым, плечо начинает ныть, но это мелочи. Главное — уйти отсюда как можно скорее.

Выхожу на улицу и оглядываюсь по сторонам, словно ожидаю, что Никита вот-вот выскочит следом, начнёт искать меня.

Но никого нет. Только мерцающие огни города и прохожие, погружённые в свои заботы. Я одна.

Плечи опускаются, и вдруг внутри меня что-то надламывается. Я больше не сдерживаюсь. Слёзы сами катятся по щекам, горячие, солёные, предательские.

Меня накрывает с головой — боль, отчаяние, бессилие. Я не знаю, что делать дальше.

Но я не могу стоять здесь в таком состоянии.

Рывком поднимаю руку и машу проезжающему такси. Машина резко останавливается рядом. Водитель выходит, быстро подходит и молча забирает мой чемодан, аккуратно кладёт его в багажник.

Открываю дверь и сажусь внутрь, стараясь унять дрожь в голосе.

— Куда едем? — спрашивает водитель, вернувшись в машину.

Смотрю на визитку в своей дрожащей руке, на название отеля. Других вариантов нет.

— Сюда, — говорю, протягивая карточку.

Он кивает, набирает адрес, и мы трогаемся с места.

Ещё раз оглядываюсь назад, без надежды, скорее машинально, чем осознанно. Но едва мой взгляд скользит по входу в отель, я вздрагиваю.

Резко отвожу взгляд и вжимаюсь пальцами в сидение.

— Пожалуйста, поторопитесь...

Глава 4

Голова гудит, в груди неприятная тяжесть.

Как же больно.

Кажется, я больше не могу ни дышать, ни двигаться.

Просто даже существовать в этом моменте невозможно.

Смотрю в окно, но город за стеклом расплывается. В глазах пелена, в ушах неприятный гул, как после удара. Я будто не здесь, а где-то далеко, в месте, где всё ещё могу верить, что этого не случилось.

Почему Никита так со мной поступил? Неужели ему плохо со мной?

Год назад я даже представить не могла бы такого. Никита всегда был тем, кому я верила. Тем, на кого могла положиться. Тем, кто говорил, что я — его смысл жизни.

И что теперь? Всего одна сцена — и весь мой мир разрушен.

Совершенно не понимаю, что делать дальше.

Что теперь будет? Как жить дальше?

Губы предательски дрожат.

Прикрываю рот ладонью, сдерживая подступивший всхлип. Горячие слёзы катятся по щекам, но я не издаю ни звука. Не хочу, чтобы водитель слышал.

Мне сейчас не нужна жалость.

Хорошо, что таксист не заметил, как Никита выбежал на улицу. А то, мама моя, чего он мог еще подумать.

Хотя какая разница. Мне кажется, что сейчас мне просто на всё плевать. И даже на то, что муж помчался за мной следом.

Вот только зачем?

Может, осознал свою ошибку?

Хотя нет. Скорее, он просто не привык, что когда от него уходят.

Никита всегда контролировал всё, что происходило в его жизни, в нашей жизни.

Я была его женой, его «любимой девочкой».

Как же больно.

Сжимаю пальцы на коленях, чувствуя, как внутри снова поднимается волна злости. Он ведь не просто предал меня. Он спокойно спал с другой, пока я летела к нему через всю страну, мечтая об этой встрече.

Что было бы, если я не приехала?

Сколько бы это продолжалось?

Может, это вообще уже давно не в первый раз?

Как же противно!

Руки сжимаются ещё сильнее, ногти впиваются в кожу. Чувствую, как холод пробирается под рёбра, затягивает изнутри.

Телефон начинает вибрировать в сумочке.

Вздрагиваю. Сердце пропускает удар. Рывком достаю мобильник и смотрю на экран.

Никита.

Грудь снова сдавливают, но теперь не от боли — от глухого, яростного отвращения. Он действительно звонит.

Как он смеет? После всего, что я увидела? После всего, что он сделал? Оправдаться? Объяснить, что это было «недоразумение»? Сказать, что я всё не так поняла?

Сжимаю телефон в руке, чувствуя, как внутри всё сжимается от злости. Мне не нужен его голос, не нужны его оправдания. Мне вообще больше ничего от него не нужно.

— Твою же мать! — раздаётся громкий голос водителя.

Всё происходит за секунду.

Резкий удар в бок машины. Меня дёргает в сторону, телефон выскальзывает из рук и падает под сиденье. Машину заносит, водитель резко выкручивает руль.

Судорожно хватаюсь за дверную ручку.

— Чёрт, держитесь! — кричит водитель.

Машину разворачивает, в стекле мелькают огни фар. Всё сливается в хаос звуков и движений. Меня резко кидает вперёд, и в следующий миг мы останавливаемся с болезненным рывком.

На секунду наступает оглушающая тишина. Потом — глухой стук капота. Запах жжёной резины.

Моргаю, пытаюсь понять, что только что произошло. Дыхание сбивается, сердце колотится где-то в горле.

— Вы в порядке? — голос водителя звучит глухо, будто издалека.

Не сразу нахожу в себе силы ответить. Грудь тяжело поднимается и опускается.

Телефон... Где телефон?

Опускаюсь вниз, шарю дрожащими руками под сиденьем. Сердце гулко стучит в висках. Наконец мои пальцы нащупывают телефон. Поднимаю его и чувствую, как внутри всё обрывается.

Экран разбит, трещины расходятся паутиной. Я нажимаю кнопку включения, но он не реагирует. Телефон мёртв.

Вдыхаю глубже, стараясь взять себя в руки.

Чёрт. Без телефона я теперь словно без рук.

Да и Никита пусть теперь звонит хоть до посинения.

Поднимаюсь, смотрю на водителя. Тот тяжело дышит, одной рукой держится за руль.

— Что... Что случилось? — голос хриплый, будто не мой.

— Какой-то урод подрезал, — он выдыхает сквозь зубы. — Дурак, не посмотрел, что мы едем... Чёрт, вы точно в порядке?

Киваю, но внутри всё дрожит.

Дверь машины с моей стороны резко открывается.

Вздрагиваю, вскидываю голову и вижу мужчину.

Высокий, в дорогом костюме. Взгляд строгий, но в нём читается беспокойство.

— Простите меня, — говорит он ровным, уверенным голосом, но без суеты. — Я отвлёкся, не заметил... Вы в порядке?

Моргаю, пытаюсь сфокусироваться на нём. Дыхание сбито, сердце колотится.

Мужчина осторожно протягивает ко мне руку, но я ее не беру. Вместо этого медленно выбираюсь из машины, стараясь нащупать устойчивость под ногами.

— Всё хорошо, — выдыхаю. Голос звучит хрипло. — Уже всё хорошо.

Он внимательно осматривает меня, будто оценивает состояние.

— Нет, не хорошо, — решительно произносит, чуть качая головой. — Вас надо в больницу.

— Нет-нет, — качаю головой, отступая на шаг. — Со мной всё в порядке. Правда.

Вижу, как взгляд мужчины становится твёрже:

— Я настаиваю. После такого удара нельзя просто взять и уйти. Давайте я отвезу вас в больницу. Это займёт немного времени, но так будет правильно.

В голове немного кружится, будто всё ещё не до конца осознаю, что произошло. Делаю глубокий вдох, стараясь прийти в себя, но лёгкое головокружение не проходит.

— Но ваша машина... — бормочу, переводя взгляд на его автомобиль.

Мужчина лишь спокойно кивает в сторону.

— Моим автомобилем займётся помощник, не беспокойтесь. Он уже в курсе.

— Но... — я сжимаю пальцы, пытаюсь подобрать слова. — Это же ваша машина, да и такси тоже пострадало...

Мужчина смотрит на меня с лёгким недоумением, словно не понимает, почему я вообще об этом думаю.

Собираюсь сказать ещё что-то, но в глазах вдруг темнеет и, кажется, земля уходит из-под ног.

Резко перехватываю воздух, и тело теряет равновесие.

Последнее, что я ощущаю, — как сильные руки подхватывают меня, удерживая от падения. Затем всё меркнет, и я проваливаюсь в темноту.

Глава 5

Просыпаюсь от ужасной тяжести в голове.
Веки как будто налиты свинцом, а в горле пересохло.
Тело кажется чужим.
Медленно моргаю, глядя в потолок, прежде чем осознаю, где нахожусь.
Больничная палата. Белые стены, приглушённый свет, запах антисептика. Холод внутри усиливается – я не дома, и это точно не сон.
Резко сажусь, но тут же висок прошибает резкая боль.
Головокружение захватывает меня, вынуждая опереться на матрас, чтобы не упасть.
Чёрт.
Что произошло?
Сердце слабо сжимается в груди, когда воспоминания накатывают волной.
Никита. Измена. Побег.
Авария.
Помню такси... и то, как земля ушла из-под ног.
Значит, я потеряла сознание прямо на улице.
— Очнулась, — слышу голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой.
Вздрагиваю и поворачиваю голову.
На кресле у стены сидит мужчина. Высокий, широкоплечий, с чётко очерченными скулами и уверенной осанкой.
Тёмные волосы чуть растрёпаны, но это не портит его, а лишь добавляет образу естественности.
Сглатываю, с трудом прогоняя сухость в горле:
— Кто вы?
Он выпрямляется, оглядывает меня, как бы оценивая, а затем произносит:
— Артём. Тот, кто случайно врезался в ваше такси.
Точно.
Тот самый мужчина, чьи руки подхватили меня, когда я падала в обморок.
Прищуриваюсь, чтобы внимательнее рассмотреть мужчину.
Руки скрещены на груди, взгляд внимательный, цепкий, будто он изучает каждое моё движение.
Будто он ждал, когда я очнусь, и теперь оценивает моё состояние.
— Как вы себя чувствуете? – спрашивает он, окинув меня взглядом.
— Нормально, – голос хриплый, словно я не говорила несколько дней. Кашляю, пытаюсь избавиться от комка в горле. – Где я? Сколько времени прошло?
— Я привёз вас сюда после того, как вы потеряли сознание, – спокойно произносит он. – Врачи сказали, что у вас стресс и переутомление. Нужно было отдохнуть. Вы проспали всего пару часов.
Киваю, машинально проводя рукой по лицу, затем снова смотрю на него.
— Простите... Вы всё это время были здесь?
Мужчина немного приподнимается и скрещивает пальцы рук:
— Да, — отвечает уверенно. — Хотел убедиться, что с вами всё в порядке.
Изучаю его.
Теперь, при более внимательном рассмотрении, он кажется ещё более внушительным.
Этот цепкий взгляд.
Что-то он мне напоминает.

Мужчина не похож на человека, который просто решил помочь девушке из-за несчастного случая.

Такие скорей пройдут мимо и даже не обратят внимания, нежели кинутся помогать.

Должна признать, что я сильно удивлена.

— Спасибо, — говорю немного растерянно.

— Не за что. Вам повезло, что удар был несильным.

Молчу.

Всё это до сих пор кажется мне нереальным. Наверное, нужно разузнать, что произошло. Ведь кажется, что момент аварии я совершенно не помню. Как будто эти несколько минут выпали у меня из головы.

— Вы... были за рулём? — спрашиваю, ощущая, как внутри холодеет.

Он выдерживает паузу, но не отводит взгляда.

— Да, — отвечает спокойно, без оправданий. — Я отвлёкся на секунду. Моя вина.

Сглатываю, не зная, что сказать. Все эмоции накатывают разом — страх, удивление, злость, но больше всего сбивает его уверенность. Он не оправдывается, не торопится просить прощения. Просто говорит, как есть.

Мы несколько секунд молчим, словно переваривая мысли.

В голове шумит, тело ватное, но я чувствую, что постепенно прихожу в себя.

— Вам действительно не нужно здесь оставаться дольше, — спокойно говорит он. — Врачи сказали, что вам просто нужен был отдых. Видимо, вы слишком сильно перенервничали из-за аварии.

Наверное, было бы даже лучше, если бы я переволновалась из-за аварии.

Но дело тут совершенно в другом.

Этот гадкий предатель Никита.

Сжимаю кулаки, пытаюсь увести мысли в другую сторону. Незачем этому мужчине знать истинную причину моего переутомления.

— Да... — соглашаюсь, но голос звучит неуверенно. — Наверное, так и есть.

Он кивает, но не спешит ничего добавлять. В его взгляде по-прежнему что-то изучающее, но он не давит.

Артём смотрит на часы, затем поднимается с кресла.

— Мне нужно ненадолго отлучиться, — говорит он, но прежде чем уйти, медлит, пристально глядя на меня. — Если что-то понадобится, медсестра рядом.

— Хорошо... — голос едва выходит. — Всё нормально.

Он не выглядит убеждённым, но всё же кивает.

— Если что-то понадобится — я недалеко.

Просто киваю.

Наверное, так даже лучше — остаться наедине со своими мыслями.

Артём просто направляется к выходу, и я вдруг ловлю себя на том, что наблюдаю за ним. Боже, что я делаю?

Отворачиваюсь и перевожу дух, позволяя себе впервые за это время остаться в тишине.

Мой взгляд цепляется за тумбочку рядом с кроватью.

Телефон. Разбитый экран покрыт сетью трещин, но он всё ещё здесь.

Медленно протягиваю руку и беру его.

Пальцы дрожат, но я всё равно нажимаю кнопку включения.

Экран вспыхивает, но быстро гаснет.

Бесполезно.

Глухо выдыхаю.

Чёрт... Телефон сломан.

Как же так? Как я вообще оказалась здесь? Почему всё, что у меня было, развалилось в один вечер?

Горло перехватывает спазмом, и я впервые за всё это время тихо плачу, не в силах больше сдерживать эту боль.

Вспоминаю, как Никита звонил мне перед аварией.

Тот, кто клялся, что любит меня, что я для него единственная.

Грудь еще сильнее сдавливает, боль снова разрастается внутри, отзываясь тупым, рвущим ощущением.

Вспоминаю его руки на другом теле, его губы, которые должны были принадлежать только мне.

Как он мог? Почему? Чего ему не хватало?

Разве я не была для него важна?

Получается, что вся его любовь была просто ложью?

Глаза щиплет, горячие слёзы катятся по щекам.

Тихо всхлипываю, закусывая губу, но поток не прекращается.

Меня предали.

Ощущаю, как всё внутри сжимается от понимания того, насколько беспомощной я сейчас себя чувствую.

Человек, которому я доверяла, которому верила больше, чем себе, выбросил нашу жизнь, как ненужную вещь.

Задыхаюсь от этой мысли.

Сердце болит физически, будто кто-то сжал его в кулак.

Никита.

Что он хотел сказать, когда звонил?

Оправдаться?

Соврать?

Или потребовать, чтобы я вернулась?

Мне даже не любопытно.

Всё, что он мог бы сказать, уже не имеет значения. Мне не нужны слёзы. Мне нужны ответы. Но боюсь, что никакие слова не исправят того, что он сделал.

Кладу телефон обратно на тумбочку и выдыхаю.

Кажется, что теперь у меня есть вещи поважнее этого предателя.

Раздаётся громкий стук в дверь.

Вздрагиваю, и сердце на секунду сжимается.

Зачем так делать?

Разве можно так громко стучать, а вдруг я сплю или мне вообще плохо.

Не успеваю произнести ни слова, как дверь резко распахивается.

– Олеся! – звучит знакомый голос.

Грудь сжимает, дыхание сбивается.

В голове звенящая пустота, а сердце вмиг уходит в пятки.

Нет... Только не он.

Глава 6

Сердце гулко ударяет в груди, когда я вижу Никиту на пороге палаты.

Он выглядит ужасно: растрёпанные волосы, тёмные круги под глазами, помятая рубашка.

Муж слегка покачивается и, кажется, до сих пор не протрезвел окончательно.

— Что ты здесь делаешь? — тихо, но с нажимом произношу я, чувствуя, как внутри всё сворачивается в тугой узел.

Никита делает шаг вперёд и останавливается, видимо заметив моё напряжение.

— Олеся, я искал тебя, — его голос хриплый, сбивчивый. — Я обзвонил весь город, пока узнал, что ты здесь. Почему ты не отвечала? Почему просто исчезла?

— А почему, по-твоему? — горько бросаю я, стараясь не показать, как сильно меня ранит его появление. — После того, что я увидела, у меня было огромное желание с тобой поговорить, да?

Никита стискивает зубы и нервно потирает переносицу.

— Я знаю, я поступил ужасно. Ты не представляешь, как мне сейчас...

— Как тебе? — перебиваю резко, ощущая, как эмоции внутри начинают кипеть. — Тебе плохо? А обо мне ты хоть на секунду подумал, когда ложился в постель с другой женщиной?

— Я не думал ни о чём, — он поднимает голос, отчаянно вскидывая руку. — Да, я идиот! Я ошибся! Но ты моя жена, Олеся. Я люблю тебя и не позволю тебе вот так исчезнуть из моей жизни!

Его слова больно режут по живому.

Резко отвожу взгляд, пытаюсь унять дрожь в руках и не расплакаться при нём.

Не хочу, чтобы он видел мою слабость.

Не сейчас.

— Поздно, — отвечаю я твёрдо, повернувшись в его сторону. — Ты сам сделал этот выбор. Теперь уходи. Я не хочу тебя видеть.

Никита делает ещё шаг ближе, наклоняется ко мне, словно пытается заглянуть мне в глаза, но я резко отстраняюсь.

— Даже не думай приближаться, а уж тем более трогать меня!

— Олеся, пожалуйста, посмотри на меня! — он почти кричит, и я вижу в его глазах отчаяние, которого никогда раньше не видела. — Я всю ночь сходил с ума, понимаешь? Я боялся, что потерял тебя навсегда. Я обзвонил все больницы, уговаривал каждого администратора... Чёрт возьми, я чуть не сошёл с ума, пока нашёл тебя!

— А я чуть не сошла с ума, когда увидела тебя с ней! — кричу я в ответ, чувствуя, как по щекам катятся горячие слёзы. — Тебе хоть на секунду было стыдно? Ты вообще думал обо мне?!

— Да, думал! — Никита хватается за голову, сжимая кулаки. — Я не оправдываюсь, я просто хочу сказать, что я... потерял голову, я ничего не контролировал!

— Не смей оправдываться тем, что потерял голову! — мой голос ломается на крике. — Ты потерял меня, Никита. Меня! И уже ничего не вернёшь назад!

Муж замирает, тяжело дыша и глядя на меня болезненно-растерянным взглядом. Он хочет что-то ещё сказать, но дверь палаты внезапно открывается.

На пороге появляется Артём.

Его взгляд мгновенно становится напряжённым, когда он видит нас.

— Что здесь происходит? — спокойно спрашивает он, но в голосе уже слышится холод.

Никита раздражённо разворачивается к нему:

— А ты кто такой? И какого чёрта ты сюда лезешь?

Артём спокойно переводит взгляд на меня, словно Никита — пустое место:

— Олеся, всё нормально?

На секунду в палате воцаряется звенящая тишина.

Никита поворачивается и смотрит на меня с вызовом, а я, сглотнув комок в горле, медленно качаю головой:

— Нет... Я больше не хочу видеть этого человека.

Вижу, как лицо Никиты искажается от злости.

Он резко приближается к Артёму вплотную:

— Это не твоё дело, ясно? Это моя жена!

Артём даже не двигается, только спокойно и жёстко смотрит Никите прямо в глаза:

— Тебе стоит уйти, — произносит он твёрдо. — Олеся ясно сказала, что не хочет тебя видеть.

Никита стискивает челюсти, бросая на меня тяжёлый взгляд, полный боли и гнева:

— Хорошо, я уйду. Но мы ещё не закончили, Олеся, — его голос звучит угрожающе тихо.

— Я не отступлю, слышишь? Никогда.

Никита разворачивается, резко выходит из палаты и с силой хлопает дверью.

Несколько секунд в комнате стоит напряжённая тишина.

Артём молчит, изучающе глядя на меня, затем осторожно подходит к кровати и тихо говорит:

— Ты в порядке?

Киваю, хотя по щекам снова катятся слёзы, и плечи трясутся от напряжения.

— Прости, — шепчу я, вытирая лицо ладонями. — Тебе не стоило всё это видеть...

— Всё хорошо, — мягко отвечает Артём, и его взгляд становится теплее. — Ты ни в чём не виновата.

Он берёт стул и спокойно садится рядом, словно собирается остаться, пока я не успокоюсь.

Это простое действие вдруг наполняет меня неожиданным спокойствием.

Осторожно облакачиваюсь на подушку и закрываю глаза, чувствуя, как его молчаливое присутствие слегка притупляет мою боль.

Но лишь на секунду.

Стоит мне вспомнить лицо Никиты, его глаза, полные обиды и злости, как в груди снова всё болезненно сжимается.

Каждое его слово звучит в голове снова и снова, как заевшая пластинка.

Его слова о любви, о том, что он не отступит, теперь только ранят ещё глубже, словно он намеренно хочет причинить мне ещё больше боли.

Как же так получилось, что человек, которого я любила больше жизни, предал меня вот так?

Слёзы всё ещё тихо катятся по щекам.

Как мне дальше жить?

Куда идти?

Что делать?

— Олеся... — тихо произносит Артём, осторожно возвращая меня к реальности. Поднимаю на него заплаканные глаза и встречаюсь с его спокойным, уверенным взглядом. — Если хочешь, я могу тебе помочь.

Несколько секунд смотрю на него молча, не сразу понимая смысл его слов.

— Помочь? — растерянно повторяю я.

Он кивает спокойно, уверенно:

— Да. Я вижу, что тебе сейчас тяжело. Просто знай, что я могу помочь, если потребуется.

От его слов в груди появляется странное тепло, будто впервые за долгое время кто-то протянул мне руку, чтобы удержать на краю пропасти.

Но тут же возникает тревога и настороженность.
Почему он вообще это делает?

Глава 7

Просыпаюсь с тяжестью во всём теле.

Даже не заметила, как уснула. Видимо, после всего пережитого мой организм решил перезагрузиться.

Несколько секунд просто лежу, глядя в потолок, пытаюсь собрать мысли.

Глаза всё ещё горят от слёз, в груди тупая боль, но теперь я ощущаю ещё и странную пустоту.

Поворачиваю голову и вздрагиваю, замечая Артёма.

Он сидит рядом, погружённый в телефон, и, кажется, не замечает, что я уже не сплю. Внутри нарастает неловкость от того, что почти незнакомый мужчина видит меня в таком состоянии.

Ощущение собственной беспомощности только усиливается.

Артём вдруг замечает, что я проснулась, откладывает телефон в сторону и переводит на меня внимательный взгляд:

— Доброе утро. Как самочувствие?

Его голос глубокий и уверенный, и от этого по спине пробегает странный холодок.

— Нормально, — тихо отвечаю, приподнимаясь на локтях и отводя глаза, чувствуя, как вновь подкатывают слёзы. — Насколько вообще может быть нормально после всего...

Перед глазами снова вспыхивает картина: Никита с другой женщиной.

В груди болезненно сжимается сердце.

Не могу поверить, что он так поступил со мной.

Что теперь делать? Как дальше жить?

Артём внимательно изучает моё лицо и осторожно спрашивает:

— Может, что-то нужно? Вода? Врач?

— Нет, спасибо. Всё нормально. — Делаю паузу, стараясь подавить подступающую тревогу. — Артём, мне нужно уехать отсюда. В Сочи меня больше ничего не держит. Я должна вернуться домой и спокойно собрать свои вещи, пока Никита здесь. Иначе он просто меня не отпустит.

Артём несколько секунд молчит, задумчиво глядя на меня.

— Ты уверена, что готова ехать? После аварии тебе нужно восстановиться. Может, стоит немного подождать?

— Нет, — говорю я твёрдо, качая головой, хотя внутри всё трясётся от тревоги. — У меня нет времени ждать. Я знаю Никиту. Если он вернётся раньше меня, я уже не смогу спокойно уйти. Если тебя не затруднит, то помоги мне, пожалуйста, уехать отсюда.

Артём молчит ещё несколько мгновений, внимательно изучая моё лицо.

Затем хмурится, а его голос звучит ещё более уверенно и твёрдо:

— Хорошо. Но оставаться в больнице тебе больше нет смысла. Ты поживёшь у меня, пока я не решу вопрос с твоим отъездом.

Его слова звучат не как предложение, а как приказ.

Растерянно смотрю на него:

— У тебя?.. Нет, я не хочу тебя обременять... Мы ведь почти не знакомы...

Артём резко перебивает меня, его голос становится ещё увереннее:

— Ты не обременяешь. Я виноват в том, что ты оказалась здесь, поэтому я и несу ответственность за тебя. Ты побудешь у меня, пока я не решу вопрос с твоим отъездом.

От его слов внутри снова появляется тревожное напряжение, смешанное с благодарностью. Чувствую неловкость и неуверенность, но другой альтернативы сейчас нет.

— Хорошо, — наконец тихо соглашаюсь я. — Спасибо...

Он чуть улыбается, собираясь уже что-то добавить, как вдруг в моей голове вспыхивает тревожная мысль, от которой внутри становится холодно:

— Чёрт, мой чемодан...

— Что с ним? — мгновенно спрашивает, смотря на меня с удивлением.

— В нём все мои вещи, а главное — ноутбук, на котором вся моя работа... Если я его потеряю, меня просто уволят... — Голос снова начинает дрожать, и я закрываю лицо руками, пытаюсь сдержать панику.

Артём мгновенно реагирует, его голос снова звучит спокойно и уверенно:

— Не переживай. Я займусь этим. Найду водителя такси, свяжусь с полицией, выясню всё о твоих вещах. Но это займёт какое-то время.

— Правда?.. — спрашиваю я, едва осмеливаясь поднять взгляд.

— Да. Но пока я этим занимаюсь, ты остаёшься у меня. Сейчас тебе нельзя быть одной.

Я медленно киваю, понимая, что других вариантов нет. Сердце снова сжимается от страха перед неопределённостью и от мысли, что Никита может снова найти меня в любую минуту.

— Ладно... Спасибо тебе за всё.

Артём встаёт и уверенно подходит к двери, бросив на меня твёрдый взгляд:

— Не стоит благодарности. Просто доверься мне и сделай так, как я сказал. Договорились?

Я снова киваю, не в силах отвести взгляд.

— Хорошо, — произносит он мягче. — Я пойду договорюсь с врачом о твоей выписке, а ты пока отдохни. Через час мы уедем ко мне.

Он выходит, а я остаюсь одна, ощущая смесь страха, тревоги и осторожной надежды.

Теперь мне остаётся только ждать и надеяться, что этот незнакомец действительно сумеет решить все мои проблемы.

Но могу ли я довериться человеку, которого почти не знаю? Странно то, что он даже не поинтересовался, почему мы с Никитой поссорились.

Хотя это и к лучшему.

Глава 8

Выходим из больницы, и я сразу ощущаю, как горячий сочинский воздух обжигает мое лицо.

Стараюсь дышать глубже, чтобы справиться с волнением.

Надеюсь, что Никита не будет поджидать меня здесь, на выходе из больницы.

Надеюсь, что он просто уехал в Москву.

Не желаю больше видеть его.

Неуверенно и осторожно шагаю к выходу, как будто боюсь вновь потерять равновесие. Артём идёт рядом, уверенно и спокойно, иногда осторожно поддерживая меня за локоть.

Его прикосновения не вызывают дискомфорта, скорее наоборот — наполняют ощущением безопасности, которое я так долго не испытывала.

Мы садимся в его автомобиль — чёрный внедорожник, дорогой и внушительный. Салон просторный, отделанный чёрной кожей, пропитан едва уловимым запахом дорогого парфюма.

Откидываюсь на сидении, нервно перебирая пальцами ремешок сумки.

Чувствую себя неуместно в этом роскошном пространстве.

— Всё будет в порядке. Просто доверься мне, — мягко произносит Артём, видимо заметив мое состояние.

Смотрю на него и киваю, не решаясь ничего ответить.

Пока машина плавно движется по улицам Сочи, я молча смотрю в окно, стараясь ни о чём не думать. Но мысли невольно возвращаются к Никите. Сердце сжимается от боли и обиды. В голове всё тот же вопрос, который не выходит у меня из головы.

Как он мог так поступить со мной?

Мысли о его предательстве вновь заставляют глаза наполняться слезами, но я делаю глубокий вдох, пытаюсь сдержать эмоции.

Через какое-то время мы подъезжаем к дому Артёма.

Даже не смотрю, что это за дом. Сейчас мне всё равно. Все мои мысли полностью поглощены Никитой. Его предательство больно режет моё сердце, вновь и вновь.

Просто не могу перестать думать о нём, и это только усиливает моё ощущение отчаяния и беспомощности.

— Проходи, — говорит Артём, открывая дверь. — Чувствуй себя как дома.

Вздрагиваю от слов Артёма, как будто он только что вытащил меня из глубокого сна.

Осторожно переступаю порог, внимательно осматриваясь.

Внутри всё выдержано в строгом минимализме: светлые стены, большие окна, сдержанная, но явно дорогая мебель. Такая идеальная чистота и порядок вдруг заставляют меня вздрогнуть.

Наверняка у Артёма есть жена или подруга, которая поддерживает здесь уют. Мужчина вроде него просто не может быть одинок.

Это странно ранит меня и ещё больше усиливает чувство неловкости и тревоги.

Нет, я даже и думать не должна о таком.

Сейчас мне и так не по себе от мысли, что сейчас я полностью завишу от человека, которого почти не знаю.

А тот, которому я была отдать свою жизнь, сейчас пойми где и пойми с кем.

— Тебе нужно отдохнуть, — говорит Артём, заметив моё замешательство. — Я покажу тебе твою комнату.

Он ведёт меня наверх, открывает дверь просторной комнаты с большой кроватью и видом на море.

Останавливаюсь в дверях, неуверенно смотря на него:

— Спасибо... Я очень тебе благодарна. Но мне кажется, что лучше мне поехать в отель. Вижу, как лицо Артёма немного напрягается:

— Нет. В отеле тебе делать нечего. И не стоит благодарности. — Он чуть улыбается, хотя взгляд остаётся серьёзным. — Отдыхай, я пока займусь поиском твоих вещей.

Он закрывает за собой дверь, и я остаюсь одна.

Сажусь на кровать, ощущая, как напряжение понемногу отпускает. Всё, что произошло в последние дни, кажется нереальным кошмаром. До сих пор не могу поверить, что Никита предал меня. Его образ снова появляется в голове, причиняя мне острую боль.

Как я могла быть настолько слепой?

Отгоняю от себя эти мысли и подхожу к окну. Передо мной открывается красивый вид на бесконечную гладь моря, но он кажется лишь далёким и недостижимым.

Сжимаю пальцы на подоконнике. Кажется, что сейчас я просто птица, загнанная в клетку. Как же хочется, чтобы этого всего не было.

Глубоко вздыхая, пытаюсь успокоиться, но чувствую, как на душе по-прежнему тяжело и беспокойно.

Через какое-то время слышу тихий стук в дверь.

Поворачиваюсь и вижу Артёма, который осторожно заглядывает в комнату:

— Не хочу мешать, но подумал, может, ты голодна?

Вдруг понимаю, что с момента аварии практически ничего не ела.

Киваю и стараюсь улыбнуться:

— Да, спасибо, я бы не отказалась.

— Тогда спускайся вниз, я приготовил кое-что лёгкое.

Спускаюсь за ним на кухню, чувствуя лёгкое замешательство. Он ставит передо мной тарелку с только что приготовленным омлетом и свежими овощами.

— Приятного аппетита, — произносит он, садясь напротив.

Несколько минут мы едим молча, и это молчание кажется удивительно комфортным. Но затем Артём всё же нарушает тишину:

— Я нашёл контакты водителя такси. Уже договорился встретиться с ним позже, чтобы забрать твои вещи.

— Правда? — удивлённо спрашиваю я, почувствовав облегчение.

— Да, не переживай, скоро всё разрешится, — уверенно отвечает он, затем добавляет мягче: — Я не знаю деталей и не стану лезть в твою личную жизнь. Просто знай, что можешь рассчитывать на меня.

— Спасибо, — тихо говорю я, чувствуя, как снова накатывает волна эмоций.

Он смотрит на меня внимательно и, кажется, понимает, что сейчас не лучшее время для вопросов.

— Отдыхай, — говорит он мягко, — я скоро вернусь.

Артём уходит, а я снова остаюсь наедине с собой, пытаюсь привыкнуть к мысли, что пока мне не остаётся ничего, кроме как довериться человеку, которого я едва знаю.

Но даже сейчас, несмотря на всю тревогу и боль, я отчётливо понимаю, что впервые за долгое время чувствую себя в безопасности.

Осторожно встаю из-за стола, прибираю тарелки и начинаю медленно ходить по дому, пытаюсь хоть немного отвлечься от тяжёлых мыслей.

Прохожу мимо гостиной, замечая на полке фотографию в серебристой рамке. Останавливаюсь и подхожу ближе.

На фотографии красивая молодая девушка.

В груди неожиданно что-то сжимается.

Беру рамку в руки, внимательно рассматривая лицо незнакомки.

Интересно, кто она?

Глава 9

Брожу по дому, не в силах найти себе места.

Фотография той девушки не выходит у меня из головы.

Кто она? Жена? Подруга? Любовница?

Понятия не имею, но её уверенная улыбка и тёплый взгляд заставляют меня задуматься.

Почему-то внутри неприятно тянет.

Это не должно меня волновать, но всё равно цепляет.

Что странно, я не видела в доме никаких вещей, которые могли бы принадлежать женщине. Ни косметики в ванной, ни женской одежды в коридоре, ни мелочей, которые всегда выдают женское присутствие.

Дом слишком чистый, слишком пустой.

Может, она здесь больше не живёт? Или он просто очень аккуратен?

Сама не понимаю, почему меня это так волнует.

Стараюсь выкинуть эту мысль, но в четырёх стенах чужого дома сидеть оказывается мучительнее, чем я думала. Стены будто сжимаются, воздух становится густым и тяжёлым, а тишина давит на уши.

Мне невыносимо оставаться на месте.

Бросаю взгляд на кровать, на которой лежит аккуратно сложенная одежда.

Видимо, Артём принёс её для того, чтобы я могла переодеться.

Это должно было быть заботливо, но почему-то вызывает у меня неприятное чувство.

Чувствую, как мне совершенно неприятно находиться одной в чужом доме.

Лучше будет немного прогуляться.

На тумбочке нахожу лист бумаги и ручку, не задумываясь пишу:

"Я вышла. Мне нужно проветриться. Вернусь позже."

Оставляю записку на видном месте и, не оглядываясь, выхожу из комнаты.

Дом тихий. Лишь слабый шум прибора, доносящийся издалека, пробивается сквозь открытые окна. Спускаюсь по лестнице, стараясь не шуметь, будто бегу от чего-то. Может, от своих мыслей. Может, от страха, что если остановлюсь, боль накроет с головой.

На улице яркое солнце, воздух прогрет до самого горизонта, но лёгкий бриз с моря приносит долгожданную прохладу. Вдыхаю глубже, пытаюсь впитать в себя морской воздух. Он свежий, солёный, с нотками нагретого песка и цветущих деревьев.

Такое чувство, что даже этот воздух очищает меня изнутри, стирая тяжесть последних дней.

Ноги сами ведут меня к морю.

Даже не задумываясь, куда иду.

Просто следую за шумом волн, который кажется сейчас единственной правильной дорогой.

Через несколько минут я выхожу на набережную. Здесь яркий солнечный свет освещает лавочки, пары прогуливаются под руку, кто-то тихо смеётся, а кто-то просто сидит, молча вглядываясь в море.

Иду дальше, стараясь уйти от оживлённой части набережной. Здесь улицы становятся тише, людей заметно меньше. Вместо смеха отдыхающих слышны лишь шум волн и отдалённые крики чаек.

Останавливаюсь у перил, облакачиваюсь на них и смотрю на воду. Волны искрятся под солнечными лучами, разбиваясь о камни мягкой пеной.

Вдруг всё вспыхивает перед глазами.

Та комната. Те стоны. Его спина. Её руки на нём.

Меня будто снова ударило.

Сдавливаю перила сильнее, стараясь дышать ровно, но внутри всё сжимается в ледяной комок.

Как жить дальше? Как справиться с этим? Как перестать ощущать себя преданной, ненужной, выброшенной?

В груди разрастается пустота. Никита был моей опорой, моим мужем. Я любила его. Верила ему. А он так легко разрушил всё.

От этой мысли становится тошно.

Ветер усиливается и бьёт в лицо, волосы разлетаются в разные стороны, но я не двигаюсь. Пусть холод пронзает меня насквозь, может, это хоть немного приглушит боль.

Я закрываю глаза, но внутри пустота только разрастается.

Что теперь? Куда мне идти? Какой в этом всё смысл?

И есть ли он вообще?

Скользнув взглядом по набережной, замечаю небольшое кафе с открытой террасой. Внутри просыпается желание просто на минуту остановиться, согреться чашкой крепкого кофе, попытаться хотя бы ненадолго вернуть себе ощущение нормальности.

Захожу внутрь, заказываю эспрессо и сажусь за столик у края террасы.

Вдыхаю аромат свежесваренного кофе, но даже его горький запах не заглушает тревогу внутри. Всё кажется странно размытым, словно я смотрю на этот день издалека, откуда-то из прошлого, где я ещё не знала, что моя жизнь так резко перевернётся.

Делаю первый глоток, когда вдруг мой взгляд случайно цепляется за высокую мужскую фигуру на набережной.

Сердце падает куда-то в пятки.

Никита.

Мир на секунду сжимается в одну точку.

Его походка, силуэт, знакомый жест, когда он поправляет рукав рубашки.

Это он.

Едва не роняю чашку, внезапный страх пронзает всё тело. Он идёт вдоль набережной, но не смотрит в мою сторону.

Или уже заметил?

Дыхание сбивается, пальцы цепляются за край стола.

Нет. Нет, я не могу, я не готова.

Резко поднимаюсь, стул глухо скользит по полу. Сердце колотится в груди так громко, что кажется, его можно услышать даже сквозь шум прибора.

Почти бегу к выходу, стараясь слиться с толпой, уйти, раствориться среди людей.

Может, он не увидел меня? Может, он просто проходит мимо?

Едва заворачиваю за угол, пытаюсь скрыться от предателя.

За спиной раздается знакомый голос:

— Олеся!

Глава 10

Мир будто замирает. Этот голос... Я слышала его тысячи раз. Влюблялась в него, просыпалась под него. Этот голос был моим домом, но теперь он звучит как удар хлыстом по ране.

Закрываю глаза.

Может, мне просто показалось?

Может, это кто-то другой?

Ведь здесь, в шуме набережной, легко спутать голоса.

Но страх настигает раньше разума. Сердце срывается с места, я чувствую, как по спине пробегает холодный пот.

Резко оглядываюсь.

Никита.

Он стоит в нескольких метрах от меня, в белой рубашке, закатанных рукавах, с тёмными кругами под глазами. Взлохмаченные волосы, напряжённая осанка — он не спал. Искал меня?

Я делаю шаг назад. Он сразу замечает.

— Не подходи, — слова сами срываются с губ, звучат резко, но голос предательски срывается, становясь тише.

В моих словах столько отчаяния, что даже мне становится страшно.

Зачем он ходит за мной?

Если я была ему не нужна, если он так легко выбросил меня из своей жизни, зачем теперь ищет?

В груди с новой силой вспыхивает боль.

Я не понимаю его.

Не понимаю, что ему от меня нужно.

— Олеся, подожди. — В его голосе просьба, а не приказ. — Не уходи.

Но я уже не слышу.

Сердце бьётся так сильно, что шум крови в ушах заглушает всё остальное. Разворачиваюсь и иду быстрее.

Почти бегу.

Люди. Нужно слиться с толпой. Исчезнуть. Раствориться. Пусть думает, что обознался. Пусть просто уйдёт.

— Олеся! — Голос приближается.

Слышу его шаги за моей спиной.

— Стой! Пожалуйста, подожди!

Не хочу ждать. Не хочу его видеть. Не хочу снова погружаться в этот кошмар.

Чувствую, как мужская рука хватается меня за запястье.

Оборачиваюсь и замираю, словно меня ударило током.

— Пусти! — выдыхаю, дёргаясь.

Но его хватка крепкая, хоть и не грубая.

Никита медленно ослабляет хватку, но не отпускает сразу. Смотрит мне прямо в глаза.

— Я просто хочу поговорить. — Его голос хриплый, сбитый. — Только минуту. И если после этого ты скажешь мне уйти, я уйду.

Молчу.

Всё внутри переворачивается. Глаза снова цепляются за его лицо. Такое родное. Такое предательское.

— Говори, — мои пальцы сжимаются в кулаки.

Он качает головой:

— Не здесь.

Я сжимаю зубы. Хочется кричать. Хочется, чтобы он исчез. Хочется одновременно послушать и убежать.

— Олесья... — Голос мягче, почти умоляющий. — Я не отступлюсь.

— Тогда говори здесь, — мой голос звучит твёрдо, хотя внутри всё содрогается. — Я никуда с тобой не пойду.

От этих слов больно. Будто что-то внутри окончательно рушится. Ещё несколько дней назад я бы доверила этому человеку свою жизнь. А теперь я вынуждена отталкивать его, как чужого.

Никита открывает рот, словно собирается что-то сказать, но в следующую секунду его осанка напрягается, и взгляд резко уходит за моё плечо.

— Думаю, она ясно дала понять, что не хочет разговаривать.

Вздрагиваю.

Артём?

Я резко оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Артёмом. Он стоит чуть позади, его взгляд холодный, выверенный, без эмоций. Он не выглядит рассерженным, скорее... готовым к чему угодно. Как человек, привыкший решать проблемы.

— Это не твоё дело, — говорит Никита, сдерживая раздражение. — Это касается только нас с Олесьей.

— Ты ошибаешься. — Артём делает шаг ближе, теперь они почти на одном уровне. — Ты — её прошлое.

Вижу, как Никита напрягается.

Чувствую, как воздух становится тяжелее. Мне не нужен этот конфликт. Не сейчас.

— Всё, хватит! — мой голос режет пространство между ними. — Я не хочу вас слушать. Ни тебя, Никита, ни тебя, Артём. Просто... оставьте меня в покое.

Никита замирает, потом смотрит мне в глаза.

Вижу, как Артём, не убирая напряжённого взгляда с Никиты, медленно переводит его на меня.

— Прости, если влез не вовремя, — спокойно говорит он, но в голосе слышится твёрдость. — Просто, если я правильно понял, тебе сейчас не стоит разговаривать с ним.

Сжимаю губы, не зная, что ответить.

Да, мне не стоит.

Но почему от этих слов внутри всё так неприятно сжимается?

Почему больно признавать, что сейчас я не могу даже нормально поговорить с человеком, которому ещё недавно доверяла свою жизнь?

— Олесья, прошу, — голос Никиты становится ниже, он делает шаг вперёд, но тут же встречает на своём пути жёсткий взгляд Артёма. — Пойдём со мной. Просто послушай меня.

Чувствую, как время словно замедляется.

Моё сердце колотится, но я не знаю, что сказать.

Могу ли я дать Никите шанс на объяснения?

Глава 11

Смотрю на протянутую руку Никиты и вдруг отчётливо вспоминаю, как эти руки совсем недавно ласкали другую женщину.

Внутри всё сжимается от отвращения и боли.

— Нет. Я никуда с тобой не пойду, — произношу я тихо, стараясь не показывать, как меня трясёт внутри. — Я не хочу ничего слушать. Мне хватило того, что я увидела.

Слова даются с трудом, и от осознания того, что я их говорю, сердце болезненно сжимается.

Никита напряжённо смотрит на меня, и я отчётливо вижу, как его скулы сжимаются от гнева и непонимания.

— Олеся, прекрати вести себя как ребёнок, — резко произносит он, делая шаг ко мне. — Давай отойдём и поговорим нормально.

— Я уже сказала, — голос звучит немного громче. — Никуда я с тобой не пойду. Уходи, пожалуйста.

Вижу, как он недовольно хмурится от моих слов. Глаза полны раздражения и недовольства.

Понимаю, что ему сложно принять моё сопротивление, ведь раньше я никогда ему не отказывала.

Но не сейчас.

Он потерял меня, и теперь ему придётся с этим смириться.

— Ты серьёзно сейчас? — голос Никиты полон неприкрытого раздражения. — Ты хочешь всё перечеркнуть из-за одной ошибки?

Сжимаю кулаки, ощущая, как слова задевают меня до глубины души. Вот, значит, как для него это. Всего лишь «ошибка».

— Это была не просто ошибка, — едва сдерживая слёзы, произношу я. — Ты всё разрушил, Никита. Уходи.

Он ещё больше напрягается и, кажется, готов сделать ещё шаг, но в этот момент за моей спиной звучит голос Артёма:

— Она попросила тебя уйти. Лучше послушай.

По спине пробегает холод, и я понимаю, что даже немного рада, что он здесь.

Но как Артём нашёл меня? Что он вообще здесь делает?

Никита резко переводит взгляд на Артёма, словно только сейчас до конца осознавая, что рядом со мной находится другой мужчина. Его лицо мгновенно становится каменным.

— Я разговариваю со своей женой, — произносит он холодно и медленно, подчёркивая каждое слово. — Не лезь туда, где тебя не ждут.

— Я уйду, если Олеся скажет, что хочет пойти с тобой, — спокойно, но непреклонно отвечает Артём, выдерживая его взгляд.

Напряжение между ними становится ощутимым, и я чувствую, как воздух будто застывает от этого противостояния. Никита переводит взгляд обратно на меня, и в его глазах ясно читается ревность, смешанная с яростью.

— Что он вообще делает рядом с тобой? — бросает он мне, не скрывая своего раздражения. — Ты хочешь вот так всё закончить, Олеся? Вот так просто уйти с каким-то мужиком?

Стараюсь подавить вспыхнувшую обиду и гнев от его слов.

Смотрю прямо в глаза предателю:

— Да. Я хочу, чтобы ты ушёл. Между нами всё кончено. — произношу уверенно.

Несколько секунд Никита молчит, сверля меня взглядом, в котором бушует гнев и что-то похожее на боль.

Вижу, как он борется с собой, словно хочет сказать что-то ещё, но затем резко выдыхает:
— Ладно. Раз ты хочешь так, пусть будет так. Но мы ещё не закончили, Олеся. — произносит холодно и тихо.

Последние слова звучат скорее как угроза, чем обещание. Он бросает последний тяжёлый взгляд на Артёма, после чего резко поворачивается и уходит.

Только когда Никита исчезает, я позволяю себе выдохнуть и закрываю глаза, пытаюсь удержать слёзы.

Чувствую, как Артём осторожно касается моего плеча:

— Всё в порядке? — произносит с заботой.

— Наверное, — тихо отвечаю, чувствуя, как силы покидают меня.

— Поехали, я отвезу тебя домой, — мягко произносит он.

Просто киваю и иду вслед за Артёмом.

Мы медленно идём к машине, и мои мысли путаются в голове.

Что теперь делать? Как вообще жить дальше после всего, что случилось? Сердце болезненно сжимается от мысли о Никите. Ведь я любила его, верила ему... Почему он поступил так? И что теперь? Я боюсь, что это ещё не конец, что он не сдастся так просто.

Всю дорогу до дома я молчу, глядя в окно, но мыслями постоянно возвращаюсь к Никите, его тяжёлому взгляду и словам, которые не дают покоя. Сердце всё ещё сжимается от боли и обиды.

Никита никогда раньше не отступал. Я слишком хорошо знаю его характер: он властный, уверенный, привыкший всё контролировать. То, что он ушёл, совсем не значит, что он сдался. Это лишь временно, я это чувствую.

Пытаюсь выкинуть всё из головы, но совершенно не выходит. Что было бы, если бы Артём не появился?

Отрываюсь от окна и перевожу взгляд на мужчину:

— Как ты вообще нашёл меня там, на набережной?

Артём на мгновение отрывает взгляд от дороги и смотрит на меня, слегка улыбаясь уголками губ:

— Ты оставила записку. Тебя долго не было, и я решил проверить. Просто повезло.

Наверное, и правда просто повезло. Другого объяснения я здесь не вижу.

— Спасибо, — говорю тихо, чувствуя неловкость, но одновременно благодарность. — Не знаю, как бы я справилась без тебя.

Он слегка качает головой:

— Всё нормально, не стоит благодарностей.

Подъезжая к дому, Артём аккуратно припарковывает машину на площадке перед входом и открывает бардачок.

Смотрю на него с удивлением, не понимая, что происходит. Он достаёт оттуда небольшую коробку и поворачивается ко мне.

— Я знаю, это немного неожиданно, — произносит он тихо, протягивая коробку. — Просто подумал, что тебе сейчас пригодится новый телефон. Твой сломался из-за меня, поэтому...

Растерянно смотрю на мужчину, неуверенно качая головой:

— Нет, это слишком. Я не могу принять...

— Возьми, — настойчиво произносит Артём. — Считай это компенсацией. Я так привык, если причиняю неудобства, то исправляю их.

Неохотно беру телефон, всё ещё чувствуя смущение.

Артём выходит из машины первым, быстро обходит её и открывает передо мной дверь.

Неуверенно выхожу, чувствуя его внимательный взгляд.

Мы идём к дому медленно, молча. Снова чувствую себя неловко от того, что вынуждена так сильно зависеть от совершенно незнакомого мне человека.

Но выбора пока что у меня нет.

Артём открывает дверь и пропускает меня внутрь, после чего сразу направляется на кухню. Прохожу в гостиную и опускаюсь на диван, чувствуя во всем теле усталость и подавленность.

Не успеваю даже немного расслабиться, как мысли тут же возвращаются к реальности. Вот чёрт!

Артём так и не сказал, что с моими вещами и ноутбуком. Без них я точно потеряю работу. Встаю и быстро иду на кухню.

— Артём, — голос немного дрожит от волнения, — Ты узнал что-нибудь про мой ноутбук и чемодан? Там вся моя работа, документы...

Он серьёзно смотрит на меня и кладёт на стол полотенце, которым только что вытирал руки:

— Я оставил номер водителю такси. Он обещал перезвонить, когда всё выяснит. Думаю, скоро будет понятно, что с твоими вещами, — спокойно отвечает.

Его слова совершенно не успокаивают. Времени совсем нет. Начальника точно выпрет меня с работы.

— Просто там очень важные документы, — повторяю я тревожно. — Без них я точно потеряю работу. А это единственное, что у меня осталось...

Артём на секунду задерживает взгляд на мне, словно пытаюсь подобрать правильные слова:

— Всё будет нормально. Я обязательно это решу, обещаю. А ты пока постарайся не думать об этом хотя бы немного, хорошо?

— Хорошо, — отвечаю я тихо, хотя расслабиться по-прежнему не могу.

Вспоминаю, что теперь у меня есть телефон, и быстро иду в комнату.

Вставляю сим-карту в мобильник и поспешно включаю. Почти сразу вижу сообщение от Никиты:

«Твои вещи у меня. Нам нужно встретиться».

Сердце начинает бешено колотиться. Сжимаю телефон в руках, пытаюсь справиться с паникой.

Зачем он это делает? Зачем поступает так со мной?

Несколько минут просто сижу, глядя в пустоту, мысленно перебирая возможные варианты.

Чувствую, как тревога нарастает, заполняя меня целиком.

Вдруг дверь в комнату открывается, и я поднимаю взгляд на Артёма. Он останавливается на пороге, внимательно смотрит на меня и, видимо, замечает, что я чем-то встревожена.

— Что-то случилось? — спрашивает осторожно.

Несколько секунд я колеблюсь, не зная, стоит ли ему говорить о сообщении Никиты. Сердце тяжело бьётся в груди, и тревога только усиливается.

Думаю, что сейчас лучше не стоит втягивать постороннего человека в свои разборки. Он и так слишком много для меня делает.

Поднимаюсь с кровати и убираю мобильник в карман.

— Нет, всё хорошо, — произношу я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Артём несколько мгновений внимательно смотрит на меня, словно пытается убедиться в том, что я не лгу.

— Ну тогда пойдём. Ужин уже готов.

Глава 12

Сижу за столом, будто в каком-то странном сне.

Передо мной тарелка с ужином — нежная куриная грудка в сливочном соусе, аккуратно выложенные ломтики запечённого картофеля с розмарином, свежий салат с рукколой и томатами. Запах жареного чеснока и зелени наполняет кухню, щекочет ноздри, напоминает о чём-то домашнем, уютном.

Видно, что Артём постарался — потратил время, вложил силы. Но мне сейчас совершенно не до еды. Не до благодарностей. Не до нормальности.

Внутри всё перекручено узлом, который невозможно распутать одной вилкой и хорошей подачей.

Стараюсь сосредоточиться на еде, делаю вид, что ем, но внутри всё сжимается. Кусок не лезет в горло. В голове только одна мысль.

Мои вещи у Никиты.

Там не просто одежда. Там мой ноутбук, документы, флешки. Вся работа, всё, что я делала последние месяцы.

Без всего этого я — никто.

Артём не сможет это вернуть.

Чертов Никита!

Он всегда всё контролировал, держал всё под своим влиянием, и уверенна, что он не отдаст всё это просто так.

Хочет, чтобы я прибежала к нему и бросилась ему в ноги. Уверенна, что так он хочет продолжить контролировать меня.

Но нет! Не дожётся. Нужно как-то выкручиваться. Я не могу просто так сидеть и ждать, пока всё самой утрясется.

Украдкой смотрю на телефон, лежащий на краю стола.

То самое сообщение всё ещё висит у меня перед глазами.

«Твои вещи у меня. Нам нужно встретиться».

От этих слов внутри всё сжимается. Думаю, что Артёму всё же не стоит знать об этом. Он и так слишком много для меня делает. Не хочу его втягивать в это. Не хочу, чтобы он думал, что я использую его помощь ради разборок с бывшим.

Это мой бардак. Моя жизнь. Мои последствия.

— Всё в порядке? — спрашивает Артём, заметив, что я слишком долго молчу.

— Да, просто устала, — выдавливаю я с натянутой улыбкой.

Он кивает, но я вижу, что не совсем верит. Его взгляд становится чуть внимательнее, изучающим. Словно он пытается прочесть то, чего я не говорю вслух. Это заставляет меня чувствовать себя ещё более неловко.

Снова возвращаюсь к своей тарелке. Чувствую, как Артём наблюдает за мной. И это ощущение не даёт покоя. Во взгляде нет навязчивости, он не давит. Но в нём появляется то, что пугает меня ещё сильнее. Кажется, он начинает видеть во мне не просто девушку, которой помог.

Он хочет чего-то большего. Он смотрит на меня иначе. Слишком мягко. Слишком долго. И я не знаю, как на это реагировать.

Я не готова.

Внутри меня ещё совсем свежая рана от предательства. Я не пережила Никиту, не прожила боль, не научилась заново дышать.

Как можно позволить себе что-то новое, если старое всё ещё горит в груди?

Артём что-то говорит — про работу, про завтрашний день, про погоду, — а я лишь киваю, не вслушиваясь. Мы словно в разных плоскостях.

Понимаю, что сейчас мне лучше уйти. Нужно вернуться в Москву. Там моя работа. Там начальница, которая вряд ли простит задержку. И меня просто выкинут.

А у меня нет запаса, нет подушки безопасности, нет никого, кто бы подстраховал. Это мой единственный шанс сохранить то, что ещё осталось.

Артёму лучше ничего не знать. Не хочу, чтобы он пытался меня остановить. И не хочу давать ложную надежду. Может, он ничего такого и не чувствует, а я просто придумываю себе лишние страхи. Но если и чувствует — мне тем более нужно уехать. Я не могу быть с кем-то, пока не разобралась с собой.

Мысль окончательно оформляется, когда Артём вдруг тянется через стол и едва касается моей руки. Его пальцы тёплые, осторожные, как будто он хочет поддержать, не навязываясь. Но от этого жеста меня пробивает холодный мурашками. Резко отдёргиваю руку.

— Прости, — быстро говорю, пряча взгляд. — Мне... лучше пойти отдохнуть.

Он замирает, кажется, хочет что-то сказать, но вместо этого лишь кивает.

— Конечно. Если что-то понадобится — я рядом.

Поднимаюсь и машинально начинаю собирать посуду со стола, но Артём тянется к моей руке, останавливая движение.

— Не надо. Я сам всё уберу, — говорит он тихо.

Его пальцы едва касаются моей кисти, и от этого прикосновения меня снова пронзает лёгкий озноб.

— Спасибо, — говорю, стараясь не смотреть ему в глаза.

Выдавливаю из себя слабую улыбку и поворачиваюсь к лестнице.

Медленно поднимаюсь вверх, стараясь не торопиться, будто давая себе право на этот отступательный манёвр.

Закрываю за собой дверь комнаты, и чувствую, что внутри немного отпускает.

В одиночестве мне наконец становится легче.

Сажусь на кровать и достаю телефон.

Захожу на сайт с билетами.

Самый ближайший ночной рейс до Москвы. Один конец. Место у окна. Подтверждение.

Сердце колотится, будто я совершаю побег.

А может, это и есть побег. Побег от всех и от самой себя.

Смотрю на часы. До выезда ещё несколько часов. Слышу, как Артём что-то делает на кухне, потом — как выключает свет. Дом погружается в тишину.

Эта тишина кажется слишком громкой. Слишком навязчивой. Надеюсь, что Артём поймёт мой поступок и простит за то, что ушла не попрощавшись.

Когда понимаю, что Артём уснул, заказываю такси.

Внутри всё трясёт — от страха, от решимости, от чувства вины.

Тихо выхожу из комнаты, стараясь не шуметь. Спускаюсь по лестнице, будто крадусь. Отворяю входную дверь и выхожу.

На улице прохладно. Водитель уже ждёт. Даже не оглядываюсь. Просто сажусь в машину.

Пока машина трогается с места, я смотрю вперёд. Не знаю, что ждёт меня в Москве. Не знаю, зачем иду туда. Но знаю точно — здесь я больше не могу оставаться.

Глава 13

Дорога до аэропорта вся как на иголках.

Всё время оглядываюсь, будто боюсь, что Артём проснётся и поймёт, что я ушла.

Что он обо мне подумает?

Хотя какая уже разница. Сейчас главное разобраться со своей жизнью.

Сердце колотится, ладони потеют так сильно, что едва держу телефон.

С такси выходит заминка — водитель почему-то сворачивает не туда, петляет по улицам, и я начинаю нервничать.

Всё внутри сжимается от страха опоздать.

Несколько раз хочу попросить остановить и поймать другую машину, но вместо этого просто вцепляюсь в сиденье перед собой.

Чем дальше мы едем, тем сильнее у меня ощущение, что за нами кто-то наблюдает. Будто машина сзади следует слишком близко, будто чей-то взгляд сверлит мой затылок.

Поворачиваюсь, проверяю — пусто.

Наверное, просто паранойя. Но всё тело напряжено, как струна.

Наконец такси привозит меня к терминалу, и я бегу на стойку регистрации, стараясь не замечать ничего вокруг.

Подбегаю к ближайшему табло и понимаю, что мой рейс задержан.

Черт. Почему именно сейчас?

Хотя, наверное, это даже к лучшему. Главное, что я точно не опоздала.

Сорок минут сижу, вцепившись в ручку сумки, вздрагивая от каждого объявления по громкой связи. Воздух в зале ожидания кажется душным, люди рядом будто говорят слишком громко, но я никого не слышу — только своё сердцебиение.

Временами мне всё же кажется, что кто-то наблюдает за мной даже здесь.

Резко оборачиваюсь — опять никого.

Пытаюсь взять себя в руки, но не получается.

Наконец объявляют мой рейс, и я иду к выходу.

Стою в очереди на посадку и до последнего не верю, что всё это происходит со мной.

Несколько раз почти разворачиваюсь, понимая, что слишком много вопросов осталось нерешенными. Но мысль о работе удерживает.

Меня не должны уволить, ведь это единственное, что ещё может удержать меня на плаву.

Наконец сажусь в самолёт, не чувствую ни облегчения, ни радости. Только усталость. И тревогу. В груди по-прежнему пусто, мысли крутятся вокруг одного: не потерять работу.

Москва встречает меня сыростью и холодом. Сразу после яркого сочинского солнца всё кажется серым и тоскливым. Но я почти не замечаю погоды.

Пока иду к выходу из аэропорта заказываю такси.

Машина подъезжает моментально, и я быстро сажусь в нее и закрываю глаза.

Ну вот и всё. Я почти дома.

Смотрю в окно такси, пока оно везёт меня по знакомым улицам. Когда-то они казались уютными. Теперь — давят.

Нужно собраться. Утром я пойду к начальнице. Всё объясню. Расскажу как есть — про больницу, про потерю связи, про чемодан с ноутбуком.

Надеюсь, она поймёт.

Хотя у меня просто нет другого выхода. Если меня уволят — я не знаю, что делать. Кажется, что сейчас всё держится на волоске.

Сердце всё ещё колотится, как после бега. Как будто я всё ещё бегу. Бегу от себя, от всего, что разрушилось за эти несколько дней.

Машина подъезжает к дому, и внутри меня всё сжимается. В голове только одна цель — зайти, собрать вещи, уехать. В гостиницу, хоть куда, лишь бы не здесь.

Но всё идёт не по плану.

Не успеваю зайти в подъезд, как слышу голос соседки с третьего этажа — тётя Люба.

Оборачиваюсь и смотрю на старушку. Она выглядит взволнованной, глаза красные, руки дрожат.

— Олесь, милая, подожди, — быстро подходит она. — У меня сын снова... Ну, ты знаешь... Опять в запой. Я не знаю, что делать. Никого нет рядом, чтобы помочь, а мне уже и сил не осталось.

Сердце сжимается от жалости, но внутри всё кричит: «Я не могу сейчас!»

— Тётъ Люб, я очень вам сочувствую, правда... Но у меня сейчас тоже не самое простое время. Я бы помогла, но мне срочно нужно... — голос срывается. — Простите.

Женщина грустно улыбается, качает головой:

— Ты хорошая девочка, Олесь. Всегда была. Всё понимаю. Беги, конечно. Если вдруг что — я рядом.

Киваю и почти бегом поднимаюсь по ступенькам. Руки трясутся, сердце стучит в ушах.

Нашупываю ключи, но замок опять барахлит.

Нервы на пределе.

«Что я вообще здесь делаю?» — крутится в голове, пока я, наконец, не поворачиваю ключ и не захожу внутрь.

Дом. Место, которое ещё недавно было для меня крепостью. Теперь — словно музей разрушенной жизни.

Разуваюсь, ставлю сумку у стены.

В голове шумит от мыслей. Лицо Никиты всплывает перед глазами. Его голос. Его руки. Его предательство. Сколько боли можно вынести за эти несколько дней?

Нужно собрать всё, что смогу унести. А утром — гостиница. Потом работа. Новый старт.

Я справляюсь. Я должна справиться.

Делаю несколько шагов по направлению к спальне и замираю.

Что-то не так.

Кажется, на кухне кто-то есть.

Слышу лёгкий звук — движение, шаг, может быть, дыхание. Сердце сжимается, в груди стынет лёд. Кто это может быть?..

Артём в Сочи. Да и откуда ему знать, где я живу? Никита не мог так быстро вернуться, ведь он ждёт встречи со мной.

Кто тогда?..

Медленно, стараясь не дышать, иду вперёд. Кажется, даже воздух застыл.

Заглядываю на кухню — и останавливаюсь как вкопанная.

Просто стою. Вижу, как он поднимает голову и наши взгляды встречаются. Мгновение кажется вечностью. Хочется закричать, убежать, исчезнуть. Но я стою. Не в силах пошевелиться.

Какого чёрта он здесь?

Глава 14

Стою, не в силах пошевелиться. Всё внутри будто застыло. Сердце грохочет в ушах, ладони вспотели, дыхание сбивается. Гляжу прямо перед собой, но не верю. Мурашки пробегают по коже, а в животе нарастает тревожная пустота.

В голове всплывает то странное чувство, когда я была в аэропорту. Будто кто-то следит, будто за спиной — чьё-то присутствие. Тогда я списала это на усталость, на накрученную тревожность. Но сейчас... сейчас мне уже не кажется это случайным. Теперь я понимаю, кто это был.

Никита.

Он сидит за нашим столом и пьёт кофе из моей кружки. Спокойно. Вальяжно. Как будто всё в порядке. Как будто не было предательства, Сочи, побега. Как будто мы — по-прежнему муж и жена.

У него всё такой же прямой, властный взгляд, тот самый, который всегда сбивал с толку. На нём рубашка с засученными рукавами, плечи расправлены, и даже сидя он выглядит так, будто управляет всем пространством вокруг.

Моё дыхание сбивается, сердце пропускает удар. Потому что несмотря на весь гнев, несмотря на отвращение, моё тело помнит, каким он был рядом. Каким уверенным, сильным. Каким своим.

И от этого осознания только хуже. Потому что он предал. А я до сих пор реагирую на него.

— Ты... — мой голос срывается. — Что ты здесь делаешь?

Он встаёт. Медленно, будто боится спугнуть меня, будто перед ним — не жена, а дикая птица.

— Я знал, что ты вернёшься, — говорит спокойно. — Просто чувствовал.

— Чувствовал? — я почти смеюсь, но от злости. — А не слишком ли самоуверенно?

Он подходит ближе, и я инстинктивно отступаю. Сердце гулко бьётся в груди, ладони влажные, в ушах звенит от напряжения. Как он смеет вообще разговаривать со мной после того, что сделал?

Почему говорит, что чувствовал меня. Всё это неправда. Тупые слова.

Ощуаю, как по позвоночнику пробегает дрожь от его взгляда.

— Я вернулся раньше. Узнал, что ты собираешься в Москву. Не спрашивай как — важно, что я знал. Я не мог просто сидеть в Сочи, когда понял, что ты решила вернуться. Хотел перехватить тебя, поговорить...

— Перехватить? — я вскидываю брови, но голос звучит уже тише. — После того, как я застала тебя в постели с другой, ты решил меня «перехватить»?

Вижу, как он чуть вздрагивает от моих слов, будто они пробивают в нём дыру. Но тут же выпрямляется, словно ничего не произошло. Только губы поджимаются, и в глазах на миг появляется боль. Настоящая, глубокая.

И это, чёрт возьми, только злит меня сильнее.

— Олесья... — он сглатывает, его голос становится мягче. — Это была ошибка. Я был пьян, я не знал, что делаю. Это... Это не имело значения.

— Не имело значения? — я не верю своим ушам. — Ты трахал другую женщину, Никита! Как ты смеешь говорить, что это ничего не значило?

Вижу, как в нём что-то срывается. Он подходит ближе и неожиданно хватает меня за руки.

— Послушай! — Голос становится жёстче. — Я облажался. Да. Но я хочу всё вернуть. Хочу тебя вернуть.

Я дёргаюсь, вырывая руки, будто прикосновение обожгло кожу.

Мерзавец отпускает, но остаётся стоять слишком близко, не отступает ни на шаг. Вижу, как его взгляд скользит по моему лицу, слишком пристальный, слишком навязчивый. В груди вспыхивает тревога, а внутри всё сжимается — от боли, от страха, от гнева.

— Отойди, — рычу сквозь зубы. — Я не хочу, чтобы ты ко мне прикасался.

Но он не слушает. Резко сокращает дистанцию, хватается за плечи, и прежде чем я успеваю отпрыгнуть — целует.

Его губы впиваются в мои, и я застываю, словно парализованная от неожиданности. Всё внутри сжимается от ужаса и отвращения. Это не поцелуй — это попытка подавить, подчинить, стереть моё «нет».

Резко отталкиваю его, срываясь с места, вытираю рот тыльной стороной руки и отступаю на шаг назад. Грудь ходит ходуном, сердце колотится как сумасшедшее. Он даже не извиняется. Только смотрит, будто ничего страшного не произошло.

— Не смей, — шепчу, срываясь. — Даже не смей!

Замечаю, как от моих слов в его глазах что-то меняется. Будто щёлкает тумблер, и он вспоминает что-то важное. Лицо замирает, взгляд становится другим — настороженным, как будто он только сейчас по-настоящему осознаёт, что теряет меня.

— Ты позволила какому-то мужику возить тебя по городу, жить у него... — Никита делает шаг вперёд, его лицо кривится от раздражения. Глаза вспыхивают злостью. — Артём, да? Думаешь, я не видел, как он возле тебя вьётся? Как смотрит на тебя так, будто ты уже его?

Никита сжимает кулаки, пальцы дрожат. Челюсть напрягается, мышцы на лице будто застывают в напряжении. Он даже не смотрит на меня — всё внимание направлено куда-то в сторону, будто перед его глазами уже стоит Артём.

Вижу, как он будто собирается с мыслями, прикидывая, что и когда между нами могло случиться. От этого становится не по себе.

Делаю шаг назад, пытаюсь отгородиться, но воздух между нами уже пропитан его злостью — тяжёлой, липкой, угрожающей.

— Ты правда сейчас о нём? — Отшатываюсь, не веря, что слышу это. — Ты изменил мне, а теперь ревнуешь?

Никита переводит на меня взгляд, и мне становится не по себе.

— Потому что ты — МОЯ жена! — Почти рычит он. — Я с ума сходил, не зная, где ты ночевала. А теперь ещё и этот тип возле тебя... Это сводит с ума!

— У тебя не осталось права меня ревновать, — Голос дрожит, но я смотрю в его глаза твёрдо. — Ты предал. А теперь хочешь, чтобы я вернулась, будто ничего не было?

Он делает шаг ближе, но я резко поднимаю руку, словно обозначаю границу.

— Я не дам тебе уйти просто так, — Говорит он тише. — Ты можешь ненавидеть меня, можешь орать, бить. Но я тебя не отпущу.

Пристально смотрю в глаза мерзавца:

— Это мы ещё посмотрим.

Глава 15

Не могу больше здесь оставаться, и Никита не в праве меня останавливать.

Всё внутри горит от гнева, боли, страха. Я смотрю в глаза человеку, которого когда-то любила больше жизни, и теперь понимаю, что не знаю его.

— Я не останусь с тобой в этой квартире, — голос дрожит, но я стараюсь держаться твёрдо. — Ни минуты больше.

Разворачиваюсь, но Никита ловит меня за запястье, его хватка крепкая, горячая. Меня охватывает дрожь — не от страха, а оттого, что его прикосновение до боли напоминает мне о прошлом. О тех ночах, когда его руки были только моими.

Судорожно вдыхаю, стараясь прогнать эти мысли, но Никита уже тянет меня ближе, вынуждая смотреть прямо в его тёмные, напряжённые глаза.

— Олеся, подожди, — его голос низкий, хриплый. — Ты не можешь вот так просто уйти.

— Могу. — Дёргаю руку, но он не отпускает.

— Это была ошибка, чёрт возьми! — в его голосе злость, но злость направлена не на меня — на самого себя.

Вижу, как он скрежещет зубами, будто не может смириться с тем, что натворил.

— Да, я поступил как последний урод, но, Олеся, ты не можешь перечеркнуть всё вот так.

— Могу, — повторяю я, смотря прямо в его глаза. — Потому что ты сам это сделал.

Он сжимает губы в тонкую линию, по лицу пробегает едва заметная тень боли. На секунду мне даже кажется, что он действительно страдает. Что ему не всё равно.

Но этого мало.

— Ты должна простить меня, — произносит он, и голос его становится тише, но от этого только сильнее бьёт по нервам. — Я же сказал, что был пьян и не соображал. Это ничего не значило для меня, поверь.

— Не значило? — горько усмехаюсь, вырывая руку. — Твои руки на другой женщине, твои губы на её теле — это ничего не значило?

Никита стискивает челюсти, и я вижу в его глазах боль. Настоящая.

— Я был пьян, Олеся...

— Это не оправдание, Никита! — я уже почти кричу. — Ты знал, что делал!

Он судорожно выдыхает, будто пытается что-то сказать, но не находит слов.

Смотрю на него, пытаюсь увидеть в нём того человека, которого знала. Того, кто был для меня всем. Но вижу перед собой лишь разбитого мужчину, который сам не понимает, как всё разрушил.

И мне его не жалко.

— Верни мне мои вещи, — говорю я, не желая больше вглядываться в его страдание. — Я уйду.

Он молчит пару секунд, затем резко уходит в спальню.

Слышу, как в глубине квартиры открывается шкаф, как он рывком вытаскивает мой чемодан, потом его шаги становятся тяжелее, медленнее.

Никита возвращается, держа чемодан в одной руке, сжав ручку так сильно, что его костяшки побелели.

— Вот. — Его голос звучит глухо, в нём слышится напряжение, словно каждое слово даётся с трудом.

Предатель ставит чемодан передо мной, но не отпускает ручку сразу, словно колеблется, не хочет отдавать.

— Спасибо, — выпаливаю резко и хватаю ручку чемодана.

Резко направляюсь к выходу, но, едва делаю шаг, Никита снова преграждает мне дорогу.

— Ты так просто не уйдёшь, — произносит тихо, но в его голосе теперь нет былой уверенности. — Я изменюсь. Клянусь. Больше такого не повторится.

— А я не верю, — отвечаю спокойно, потому что это правда.

Никита делает резкий вдох, и я вижу, как по его лицу пробегает нечто похожее на панику.

— Олесья... — он наклоняется чуть ближе, его глаза сверлят мои, в них такая мольба, что от этого становится не по себе. — Я не знаю, как так вышло. Я... я потерял голову. Я не хотел.

— Но сделал, — произношу шёпотом.

Его лицо кривится, будто от боли.

— Я любил тебя, — произносит он медленно. — Люблю.

Сердце на миг предательски дрогнуло, как будто пытаюсь напомнить мне о том, что было раньше, о том, как сильно я его любила. Но этот момент слабости длится лишь секунду, прежде чем ледяное осознание реальности вновь заполняет грудь. Он уже разрушил всё.

Это ложь.

Любящие не предают.

— Если бы ты любил, то не стал бы спать с другой, — произношу сквозь ком в горле.

Никита сжимает кулаки, тяжело дышит. Вижу, как внутри него снова что-то ломается, но мне уже всё равно.

Предатель резко подается вперед, и его тёплые пальцы обхватывают мою талию, притягивая ближе.

— Отпусти меня, — выдыхаю, но голос звучит недостаточно твёрдо.

— Нет, — его дыхание обжигает моё лицо. — Я твой муж. Я всё исправлю, ты слышишь?

— Ты предал, — шепчу, но губы дрожат, когда он опускается ниже, касаясь скулы, словно ищет отклик.

Вжимаюсь в его грудь, руки поднимаются, толкают его, но он держит меня слишком крепко.

— Ты всё ещё моя, — рычит он, его пальцы сильнее впиваются в кожу, как будто боится, что я исчезну.

В следующую секунду его губы снова на моих, настойчиво, жадно, требовательно.

Но вместо жара — холод.

Меня тошнит от этого прикосновения.

С силой отталкиваю его, разрываю поцелуй и резко бью ладонью по его щеке.

Хлопок разносится по комнате.

Он замирает. Его дыхание сбивается, по лицу пробегает тень шока.

— Я тебе не вещь, Никита, — голос рвётся наружу срывающимся шёпотом. — И я не твоя.

Он подносит ладонь к щеке, напряжённо смотрит на меня.

— Ты правда так считаешь? — его голос уже не такой уверенный.

Я киваю.

Вижу, как его взгляд темнеет, в груди у него вздымается глухая злость.

— Ты себя так ведёшь из-за него? — вдруг спрашивает он, и я на секунду теряю нить разговора.

— Чего?

Почему он снова заговорил об Артеме? Неужели он и правда думает, что я могла предать его также, как и он меня?

— Ты была с ним, — его голос становится резче. — Что у тебя с этим Артёмом?

— Ты несёшь бред, — выпаливаю резко, но голос звучит не так уверенно, как хотелось бы.

— Несу бред? — он усмехается, но в этой усмешке нет веселья. — Ты бежишь от меня, потому что уже есть к кому?

— Это не твоё дело.

— Моё, — он делает шаг вперёд, и я снова отступаю. — Ты моя. И я тебя никому не отдам.

— Была, — отвечаю резко, смотря прямо ему в глаза.

Он замирает. Вижу, как его губы дрожат от сдерживаемой злости.

Резкий стук в дверь разрывает тишину.

Вздрагиваю от неожиданности.

Никита бросает быстрый взгляд на вход, затем снова на меня.

Тишина висит в воздухе, а я чувствую, как меня начинает трясти.

— Ты кого-то ждала? — голос Никиты звучит нервно.

Качаю головой, давая понять, что нет.

Никита медлит на мгновение, затем сжимает челюсти и идёт к двери.

Наблюдаю, как он поворачивает замок, открывает дверь...

Едва вижу, кто стоит за порогом, как по моему телу пробегает дрожь.

В голове проносится одна единственная мысль — у меня есть шанс на спасение.

Глава 16

Сердце колотится так громко, что кажется, его слышно на весь подъезд через этот небольшой проем. Чувствую, как ладони вспотели, а ноги вдруг стали ватными, словно готовыми подвести в любой момент.

Никита дёргает ручку и распахивает дверь шире.

Вижу, как его плечи напряжены, а дыхание учащённое, будто он еле сдерживает себя от того, чтобы не сорваться окончательно.

В ушах звенит, и я отчётливо слышу скрип петель двери, который режет по нервам.

Каждая секунда сейчас кажется вечностью.

Баба Нина стоит на пороге и смотрит на нас поверх толстых очков:

— Что это тут у вас такое происходит? На весь подъезд слышно! — голос её звучит строго, но я замечаю тревогу в глазах, когда она переводит взгляд с Никиты на меня. — Олеся, милая, у тебя всё в порядке?

— Всё хорошо, — быстро и немного резко отвечает Никита, прежде чем я успеваю хоть что-то сказать.

Вижу, что Никита явно хочет закрыть дверь, но баба Нина не двигается, уперев руки в бока.

— Это я не у тебя спрашиваю, молодой человек, — произносит она непреклонно и смотрит прямо на меня. — Олесенька, ты-то как? Ты выглядишь напуганной.

Сжимаю губы, чувствуя, как глаза снова наполняются слезами. На секунду меня захлёстывает благодарность к этой маленькой женщине за её заботу и внимание. Она даже не представляет, как я рада сейчас ее видеть.

— Всё хорошо, баб Нин, — говорю тихо, пытаюсь улыбнуться, но выходит натянуто и неубедительно. — Я просто... Я ухожу. Пришла забрать свои вещи.

Баба Нина недоверчиво качает головой, пристально разглядывая Никиту.

— Ну так пусть забирает, чего стоишь на дороге? — резко обращается она к нему, и её голос не терпит возражений. — Неужели девушка не может сама решать, что ей делать?

Никита вздыхает, сжимая кулаки, но всё же делает шаг назад, бросая на меня тяжёлый, почти умоляющий взгляд.

Понимаю, что если сейчас не воспользуюсь моментом, то Никита точно меня не отпустит.

Быстро хватаю чемодан. Ручка предательски скользит в моих влажных от волнения ладонях, но я сжимаю ее что есть сил.

Делаю шаг к двери, но Никита резко перекрывает мне путь к отступлению.

— Олеся, послушай, — его голос хриплый и тихий, он смотрит на меня так, будто боится потерять навсегда. — Ты не можешь вот так уйти. Я хочу всё объяснить.

Баба Нина наигранно покашливает, не скрывая раздражения:

— Слушай, Никита, будь мужчиной. Девушка хочет уйти, дай ей уйти с миром. Это уже перебор!

— Это не ваше дело, — Никита резко поворачивается к ней.

Вижу, как его глаза вспыхивают гневом:

— Оставьте нас и дайте мне спокойно поговорить с женой, — продолжает он, не скрывая недовольства.

— Считаю, что бывшей женой, — произношу уверенно.

Смотрю предателю прямо в глаза, заставляя себя не отводить взгляд:

— Я больше не твоя. Отпусти.

Никита переводит на меня взгляд, и я вижу, как его лицо искажается от боли.

Баба Нина делает шаг вперед и встаёт между нами:

— Ну-ка, не пугай тут девчонку. Дай ей уйти, пока не наговорили лишнего.

Никита смотрит на неё, будто собираясь что-то сказать, но в итоге молчит. Он медленно отступает, отводя глаза в сторону, и я ловлю момент, быстро проскакивая мимо него в коридор.

— Спасибо вам большое, баб Нин, — шепчу ей, уже стоя в подъезде.

— Иди, Олесенька, иди скорее, — ласково говорит она и закрывает за мной дверь квартиры.

Почти бегом спускаюсь вниз.

Чемодан грохочет по ступеням, но это уже неважно. Главное сейчас — уйти как можно дальше от Никиты.

Спускаюсь на этаж ниже и вижу приоткрытую дверь квартиры бабы Нины. Как будто она специально приглашает меня зайти.

В голове мелькает безумная мысль, что здесь он точно искать меня не станет.

Быстро захожу и осторожно закрываю дверь, прислоняясь к ней спиной. Сердце колотится так, что больно дышать. Закрываю глаза, пытаюсь хоть немного успокоиться.

Квартира пахнет уютом, старым деревом и травяным чаем. Откуда-то из глубины квартиры доносится негромкое тиканье часов.

Медленно выдыхаю, пытаюсь справиться с дрожью во всем в теле.

Не успеваю даже расслабиться, как вдруг телефон начинает вибрировать в кармане, заставляя меня вздрогнуть.

Дрожащей рукой вынимаю мобильник и смотрю на экран.

Незнакомый номер.

Сбрасываю, не решаясь ответить. Но через мгновение телефон снова вибрирует.

Опять тот же номер.

Внутри вспыхивает тревога.

Да кому я так сильно понадобилась? Неужели непонятно, что сейчас я не могу взять трубку?

Третий звонок.

Сдаюсь и принимаю вызов, голос чуть дрожит:

— Алло?

На том конце слышится знакомый голос, и я замираю, чувствуя, как по спине пробегает холод.

Как он узнал мой номер?

Глава 17

Сжимаю телефон в руке так сильно, что начинают болеть пальцы. Голос на другом конце провода заставляет сердце ускориться.

— Олесья, это Артём, — голос звучит спокойно, но слегка обеспокоено. — Я очень долго искал твой номер. Пришлось сильно постараться, чтобы его узнать. Ты в порядке? Почему не предупредила меня, что уезжаешь?

От его слов становится не по себе.

Откуда он узнал мой номер? Почему ищет меня? И почему он вообще волнуется?

— Артём, я... Я сейчас не могу говорить, — шепчу, бросая тревожный взгляд на дверь квартиры, словно ожидая, что Никита вот-вот ворвётся сюда и разрушит и без того шаткое чувство безопасности.

— Что-то случилось? — голос Артёма звучит взволнованнее, теперь в нём слышна неподдельная тревога. — Ты в безопасности?

Открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь квартиры медленно приоткрывается. Сердце подпрыгивает от неожиданности, но сразу же опускается, когда я вижу бабу Нину в дверном проёме.

— Всё хорошо, — быстро говорю в трубку, стараясь, чтобы голос звучал убедительно, хотя даже самой себе сейчас не верю. — Позже перезвоню.

— Олесья, подожди... — слышу встревоженный голос Артёма, но, не дожидаясь ответа, сбрасываю вызов, чувствуя себя виноватой за такую резкость.

Сердце стучит тяжело и громко, словно протестуя против того, как я поступаю. Но выбора нет. Разговаривать с Артёмом сейчас просто нет сил и желания.

Баба Нина входит в прихожую и ласково улыбается, снимая пальто и поправляя платок на голове:

— Олесенька, как хорошо, что ты сюда зашла. А то я переживала, куда ты пойдёшь одна, вся такая растрёпанная.

Стыдливо отвожу взгляд и неловко улыбаюсь, пытаюсь скрыть тревогу, охватившую меня:

— Простите, баб Нин, я не хотела вас беспокоить...

Она машет рукой, прерывая меня, и её спокойствие немного расслабляет моё напряжение:

— Глупости какие! Никакого беспокойства. Давай-ка лучше чай пить пойдём, тебе успокоиться надо.

— Наверное, вы правы, — тяжело выдыхаю.

Мы проходим на кухню, и я молча наблюдаю, как баба Нина ставит на плиту старый чайник, аккуратно раскладывает ложки и блюда, словно совершает какой-то важный, почти ритуальный процесс.

Она неспешно открывает банку с малиновым вареньем, и я замечаю, как её морщинистые пальцы слегка подрагивают, но в каждом движении чувствуется забота и нежность.

Вскоре аромат крепкого чая с малиной заполняет пространство, наполняя меня странным, почти забытым чувством домашнего тепла.

Чувствую, как телефон в кармане снова вибрирует, словно напоминая о нерешённых проблемах.

Неохотно достаю телефон и смотрю на экран.

Несколько пропущенных вызовов от Никиты и сообщение от Артёма: «Пожалуйста, перезвони мне, я волнуюсь».

Забота Артёма меня немного настораживает. Наверное, любой другой уже бы забыл, как меня зовут, а он продолжает волноваться. Наверное, всё же не стоило так убегать.

— Всё хорошо? — внимательно смотрит на меня баба Нина, наливая чай в старую фарфоровую чашку.

Быстро киваю, стараясь выглядеть спокойной, и убираю телефон обратно в карман:

— Да, просто... неважно. Спасибо, баб Нин.

Она понимающе вздыхает и усаживается напротив меня, поправляя очки:

— Знаешь, Олесенька, мой покойный муж тоже не был подарком. И сынок у меня такой же — вечно что-то вытворит. Но мы, женщины, сильные, правда? Всё переживём. Главное, не закрывай всё внутри себя. Терпи, девочка моя, всё пройдёт.

Её слова заставляют меня задуматься. Наверное, она права, и я не одна такая. У каждой женщины бывают трудности, которые кажутся невыносимыми, но они проходят.

Смотрю на бабу Нину и не понимаю, откуда у такой хрупкой старушки столько сил, чтобы бороться с выходками своего сына. А он, я уж точно знаю, что не подарок. Сколько раз она рассказывала мне о нем. И, наверное, ее проблемы даже серьезней моих.

Но как сейчас мне с этим справиться?

— Я даже не знаю, как дальше жить, — тихо признаюсь, глядя в чашку, словно в ней можно найти ответы на все вопросы.

В голове снова всплывает образ Никиты, болезненно и отчётливо. Не понимаю, как человек, который был моей опорой, мог предать меня настолько жестоко.

Почему именно он, самый близкий и любимый, причинил мне такую боль? Сердце болезненно сжимается от одного только воспоминания о его прикосновениях и взгляде, в котором я раньше видела только нежность и любовь.

Баба Нина сочувственно качает головой:

— Понимаю. Но знаешь, иногда надо просто подождать, пока станет легче. И оно станет, поверь мне.

Её слова немного успокаивают, и я молча пью горячий чай, ощущая, как тепло постепенно возвращает меня к жизни.

Допиваю чай и осторожно ставлю чашку на стол:

— Спасибо за чай, баб Нин, — тихо произношу.

Она тепло улыбается, кивает и начинает собирать посуду.

Поднимаюсь и медленно направляюсь к окну, чтобы хоть немного проветрить голову.

Сердце замирает, когда взгляд цепляется за знакомую фигуру возле подъезда.

Никита.

За окном уже вечерет, и его силуэт кажется ещё более угрожающим на фоне наступающей темноты.

Почему он не уходит? Чего он добивается? Сердце снова начинает бешено колотиться, и я невольно прижимаюсь к оконному стеклу, словно пытаюсь спрятаться от него.

— Что случилось, милая? — спрашивает баба Нина, подходя ко мне и глядя вниз. — Ах, вот оно что... Этот никак не уймётся.

Снова отвожу взгляд, чувствуя, как лицо заливают жаром стыда и беспомощности.

— Оставайся-ка ты лучше на ночь, — говорит она твёрдо, положив руку на моё плечо. — С ним сегодня лучше не встречаться.

— Нет, спасибо... Я лучше пойду, — начинаю я неуверенно, но баба Нина решительно качает головой, перебивая меня:

— И не думай даже, Олесенька! Нечего молодой девушке ночью одной шляться. Тем более сегодня моего бездельника нет дома, так что ты можешь спокойно отдохнуть. Да и я буду спокойнее, если ты останешься.

— Баба Нина, спасибо большое... — едва слышно произношу я, соглашаясь.

Она улыбается и хлопает меня по плечу:

— Ну вот и умница. Сейчас постелю тебе в зале. Отдохни, завтра будет лучше.

Через несколько минут я лежу на старом, но мягком диване, укрытая толстым пледом, и прислушиваюсь к тихим звукам из кухни. Баба Нина негромко что-то напевает, убирая посуду и двигая стулья. Эти звуки кажутся такими успокаивающими и привычными, словно подтверждают, что я в безопасности. Как будто я попала в детство.

Вот только в голове снова начинают мелькать мысли о Никите, от которых сердце болезненно сжимается.

Почему все так получилось? Ведь сейчас я должна быть точно не здесь.

Беру телефон в руки и смотрю на сообщение от Артёма. Чувствую, как горький ком подступает к горлу. Я совсем не хотела, чтобы всё так закрутилось.

Не понимаю, что теперь делать.

Завтра мне предстоит снова бороться за свою работу, а я даже не уверена, есть ли у меня силы на это.

Слёзы подкатывают к глазам, но я заставляю себя глубоко вдохнуть и успокоиться. Постепенно мысли замедляются, дыхание становится ровным, и я чувствую, как сон медленно поглощает меня.

Вдруг меня резко пробуждают лёгкие, неприятные прикосновения, от которых по коже пробегает холодок.

Сон мгновенно исчезает, а тело сковывает страх.

— А это что за малышка у нас тут? — раздаётся хриплый, незнакомый голос, и я в ужасе открываю глаза.

Глава 18

В комнате темно, и я пытаюсь понять, что происходит.

Мутный силуэт нависает надо мной. Сердце замирает. Моргаю, пытаюсь разглядеть лицо.

Протираю глаза руками и понимаю, что передо мной Паша, сын бабы Нины. Лицо опухшее, глаза мутные, изо рта несёт перегаром. Он наклоняется ближе, и мне становится дурно от его запаха.

Резко приподнимаюсь и отодвигаюсь назад.

Прижимаюсь к спинке дивана, чувствуя, что сердце сейчас будто вырвётся наружу.

— Павел... Отойдите, — голос дрожит, но я стараюсь говорить спокойно.

Он протягивает руку, и его пальцы почти касаются моей щеки.

Быстрым движением отталкиваю его руку и еще сильнее вжимаюсь в спинку.

— Да не пугайся ты так, — шепчет. — Я же вижу, ты хорошая девочка. Нам бы поговорить...

Срываюсь, представляя, что этому уроду от меня нужно:

— Не трогайте меня! — вскакиваю с дивана и отталкиваю его.

Павел шатается, но не уходит. Он преграждает мне путь, опирается рукой о стену и нависает почти вплотную:

— Чего злишься, а? Сама ко мне в дом пришла, а теперь брыкаешься?

Он покачивается, глядя на меня мутным взглядом. Понимаю, что он не в себе. Запах перегара, слипшиеся волосы, тяжёлое дыхание.

В груди всё сжимается. Не от страха за себя — от ужаса перед ситуацией. Сердце колотится где-то в горле, а тело будто цепенеет, не подчиняясь. Мне страшно.

По-настоящему страшно.

— Уйдите, — голос крепнет, я стараюсь выглядеть спокойной. — Сейчас же.

Он наклоняется ещё ближе, и я инстинктивно хватаю подушку с дивана, прижимаю к груди, как щит, стараясь отгородиться от его тяжёлого взгляда и запаха спиртного.

В этот момент резко включается свет, и я зажмуриваюсь от неожиданности.

Через силу открываю глаза и вижу в дверях бабу Нину.

В её взгляде — сначала шок, а потом вспышка ярости:

— Пашка! Ты чего творишь, ирод?!

Баба Нина бросается к нему и яростно толкает в плечо, с такой силой, что тот от неожиданности отшатывается.

— Вон отсюда немедленно! Пока я на тебя милицию не вызвала, ублюдок!

— Мама-а-ам, да чего ты орёшь, я же просто...

— Пошёл, сказала! С катушек совсем слетел! Тут тебе не притон какой-то!

Она толкает его в сторону коридора, тот спотыкается, матерится себе под нос, но отступает.

Из коридора раздаётся какое-то шуршание, потом глухой стук двери.

Стою, продолжая прижимать подушку к груди. Все тело окутывает дрожь. Пальцы не слушаются. Дыхание сбито.

Баба Нина поворачивается ко мне и прижимает руку к сердцу:

— Прости, Олесенька. Прости, родная. Он опять в запое. Совсем у меня с катушек съехал.

— Всё хорошо... Вы вовремя... — выдыхаю, но голос всё равно срывается. — Спасибо вам.

— Не хорошо, — качает она головой. — Хочешь — полицию вызовем. Пусть заберут его к чёртовой бабушке. Я только за.

Молчу, качаю головой. Просто хочу, чтобы это поскорее закончилось. Тяжело дышу, не в силах собраться.

— Может, тебе воды? Или успокоительного? — баба Нина уже хлопчет, открывает шкафчик.

— Нет... спасибо. Просто... мне нужно немного посидеть. — сажусь обратно на диван, укрываюсь пледом.

Баба Нина уходит на кухню, и я слышу, как она гремит чашками и ставит чайник.

Сижу на диване, натянув на себя плед и стараясь прийти в себя от этого кошмара.

Грудь тяжело поднимается от учащённого дыхания, ладони вспотели, а в голове всё ещё гудит тревожный звон.

Через несколько минут она возвращается с кружкой горячего чая, аккуратно подаёт её мне и садится рядом.

— Всё хорошо, милая. Он больше не сунется. Я так дверь закрыла, что он теперь не сможет зайти.

Киваю и делаю глоток.

Горячий чай обжигает, но возвращает в тело жизнь. В голове — ужас, злость, стыд. А за ними снова всплывает Никита.

Вспоминаю, как Паша тянулся ко мне своей рукой, и где-то внутри всплывает образ мужа. Его прикосновения, его поцелуи... А потом — чужое тело под ним. Чужая женщина. Чужая жизнь.

Меня снова начинает трясти. Как бы мне хотелось, чтобы это всё было страшным сном.

Я больше не могу.

Не могу ни спать, ни отдыхать.

Но понимаю, что нужно взять себя в руки.

Молча сижу, допивая чай. Баба Нина больше ничего не говорит, только посматривает на меня исподлобья, будто боится меня спугнуть. Её забота искренняя, и это разрывает меня изнутри. Чужая женщина — а такая тёплая. Не то что тот, кому я доверяла всю себя.

Ставлю кружку на стол рядом с диваном.

— Спасибо вам... правда. Но мне нужно идти, — тяжело выдыхаю, смотря на старушку.

— Куда ж ты поедешь в такую рань? — нахмуривается она. — Не дело молодой девушке одной шляться. Мой Пашка всё равно уже точно не вернется. Оставайся, отдохни.

Собираюсь с силами, встаю с дивана и подхожу к окну.

Раннее утро. За окном едва сереет, воздух прохладный и влажный. Стою, кутаясь в плед, и смотрю, как мир начинает просыпаться. Несколько машин лениво ползут по ещё пустой улице, где-то хлопает дверью ранний прохожий. И вдруг замираю.

Никита.

Он выходит из подъезда, не оглядываясь. Быстро, решительно. Его походка — знакомая до боли, но сейчас будто чужая. Он подходит к своей машине, на секунду задерживается, и я почти жду, что он поднимет голову, посмотрит в мою сторону. Но нет. Он открывает дверь, садится за руль и уезжает.

Сжимаю пальцы на подоконнике. Сердце колотится — от облегчения и тревоги одновременно.

Он уехал. Наверное, на работу. Значит, у меня есть шанс.

Сейчас или никогда.

Резко разворачиваюсь:

— Баб Нин. Спасибо вам за всё, но я действительно не могу задерживаться. У меня очень важное дело.

Старушка пожимает плечами:

— Ну как знаешь. Только береги себя, слышишь? — произносит с заботой в голосе.

Киваю и начинаю быстро собираться. Мысли путаются. Никита... Артём... Павел... Работа... Всё сплелось в один тугой узел, из которого мне теперь нужно как-то выбираться. Осталось понять только — как это сделать.

Глава 19

Быстро натягиваю одежду, одновременно прокручивая в голове, что скажу начальнице. Чувствую, как внутри разгорается тревога, будто опаздываю на экзамен.

— Олесья, соберись, — бормочу себе под нос, напоследок осматривая комнату.

Понимаю, что сейчас не до сомнений, не до эмоций — главное не потерять работу. Это для меня единственный шанс удержаться на плаву.

Такси уже заказано. Вижу, как в приложении мигает уведомление, что машина подъедет через пять минут. Торопливо собираю вещи и попутно проверяю ещё раз, не забыла ли чего.

Сердце бешено колотится в груди, мысли путаются, но я заставляю себя сосредоточиться. Каждая секунда дорога.

Выхожу из комнаты и направляюсь в коридор.

Баба Нина хлопчет на кухне — слышен скрип старой дверцы шкафа и позвякивание посуды. Она явно старается вести себя тихо, чтобы не мешать мне, но звуки всё равно разносятся по маленькой квартире.

— Уходишь? — спрашивает она, выглянув из кухни.

Глаза у неё по-прежнему красноватые от недосыпа, но взгляд тёплый, сочувствующий.

— Да, пора, — стараюсь улыбнуться, хотя внутри всё стянуто тревогой. — Спасибо вам за всё. Если бы не вы...

Она машет рукой, будто отгоняет любые благодарности:

— Ерунда. Главное — держись. И знай, если что — ты можешь сюда вернуться. Я буду только рада. Да и помощница мне не помешает.

Киваю с благодарностью и направляюсь к двери.

Поднимаю чемодан и вдруг замираю — он стал ощутимо легче.

Какого черта?

По телу пробегает неприятное предчувствие. Быстро опускаюсь на корточки и расстёгиваю молнию.

Сердце болезненно сжимается, когда вижу, что ноутбука нет — лишь смятый свитер и пустое место, где ещё вчера была вся моя работа.

— Баб Нин... — тихо зову, чувствуя, как меня начинает охватывать паника. — Вы не видели мой ноутбук? Он был здесь, в чемодане.

Она выходит из кухни и встревоженно морщит лоб:

— Нет, не видела... А что, пропал?

— Да, — голос дрожит от волнения. — Его нет, а он мне очень нужен. Я точно помню, что он был здесь.

Закрываю глаза и пытаюсь вспомнить вчерашний день.

Может, это был Никита?

Хотя я уверена, что чемодан вчера не казался мне таким лёгким... Значит, кто-то взял его позже.

Может, это был сын бабы Нины? Но зачем бы ему ноутбук?..

Открываю глаза и смотрю на соседку.

Вижу, как баба Нина хмурится сильнее:

— Неужели Пашка прихватил, — бормочет она, злобно вскидывая взгляд к потолку, будто надеясь, что сын материализуется прямо сейчас. — Ну что за наказание... Опять, поди, на бутылку тянет! Вот ведь паразит... Сейчас я пойду, разберусь с этим бездельником. Ты подожди, Олесенька, сейчас этот гад у меня всё вернёт!

Молча киваю, чувствуя, как всё внутри всё сжимается.

А вдруг и правда он? Или... нет, это неважно. Главное — ноутбук. И его нужно будет вернуть.

Понимаю, что времени для поисков Паши сейчас совсем нет. Нужно ехать, просто ехать. Сейчас.

Бережно беру соседку за руку, пытаюсь успокоить:

— Баб Нин. Не переживайте. Найдется ноутбук. А сейчас мне правда пора. Мне срочно на работу, это очень важно.

Вижу, как она смотрит на меня с сочувствием и пониманием, затем тихо вздыхает и кивает:

— Ладно, милая, иди. Но я разберусь, обещаю. Всё верну, не переживай.

— Спасибо, — произношу я, стараясь успокоить дрожь в голосе.

— Ступай, девочка. Бог с тобой, — говорит она ласково, провожая взглядом до двери.

Быстро спускаюсь вниз по лестнице, чувствуя, как ноги подкашиваются от переживания. Будто каждый шаг даётся с мне с усилием.

На секунду останавливаюсь и хватаюсь за перила, чтобы не потерять равновесие. В ушах звон, дыхание сбивается, а в груди всё болит от напряжения.

Понимаю, что сейчас нужно прийти в себя и расслабиться. Всё пошло наперекосяк.

Опять.

Нужно теперь придумать, как оправдаться перед начальницей. Ведь даже если я расскажу ей всю правду, то поверить в это будет даже мне непросто.

Собираюсь с духом и иду дальше.

Выхожу из подъезда и тут же вздрагиваю от утренней прохлады. Воздух свежий, влажный, пахнет мокрым асфальтом и каким-то цветущим деревом неподалёку.

Но даже это сейчас не радует.

Такси уже стоит у тротуара, но что-то заставляет меня остановиться.

Кажется, что за мной кто-то наблюдает.

Оборачиваюсь — пусто.

Только редкие прохожие, да кошка у подъезда.

Наверное, просто нервы. Чувствую, как всё внутри дрожит от недосыпа и стресса.

Делаю глубокий вдох и направляюсь к машине, стараясь не обращать внимания на комок тревоги, застрявший где-то под грудиной.

Сажусь внутрь, называю адрес офиса. Водитель молча кивает и трогает машину с места.

Пока едем по пробуждающимся улицам, я смотрю в окно, но толком ничего не вижу. В голове хаос. Ноутбука нет, и всё, что на нём храниться, тоже.

Как я объясню всё это начальнице? Мысли перескакивают с одного на другое, но одно ясно точно: если потеряю работу, у меня не останется ничего.

Телефон вдруг вибрирует. Дрожащими пальцами открываю его и вижу несколько непрочитанных сообщений. Одно от Артёма:

«Олеся, ты так и не перезвонила. Я волнуюсь. Дай знать, что с тобой всё в порядке».

И рядом целая вереница пропущенных вызовов от Никиты.

Что ему нужно? Кажется, что и так уже всё понятно.

Закрываю телефон, прячу его обратно в сумку и глубоко вдыхаю, стараясь не расплакаться прямо здесь. Сейчас не время раскисать.

Нужно собраться.

Артему отвечу позже, а сейчас нужно придумать, как объяснить начальнице пропажу ноутбука и документов.

Может, она поймёт...

Хотя шансов почти нет.

В голове прокручиваю сценарий разговора снова и снова. Мысленно подбираю слова, которые должны убедить начальницу дать мне ещё один шанс.

Машина поворачивает на знакомую улицу.

Сердце начинает стучать громче, руки дрожат.

Вот он — офис. Серое здание с широкими окнами, знакомая входная группа. Сколько раз я проходила через эти двери...

Такси плавно притормаживает. Открываю дверь и выхожу наружу.

Прохладный утренний ветер сразу касается лица, треплет волосы, заставляя меня немного зажмуриться.

Чувствую, как сердце начинает стучать громче. Взгляд сам тянется вверх — к знакомому фасаду серого здания. Всё внутри сжимается.

Сейчас всё решится.

Глава 20

Переступаю порог офиса и сразу чувствую себя чужой в этом вроде бы знакомом для меня месте. Кажется, что даже стены здесь смотрят на меня с осуждением.

Чувствую, как колени слегка подрагивают, и я заставляю себя сделать глубокий вдох.

Всё, назад дороги нет. Или сейчас, или никогда.

Медленно иду к лифту, ощущая, как сердце бьётся в висках.

Палец дрожит, когда нажимаю кнопку вызова. Пока жду, чувствую, как ладони становятся влажными. Мысленно перебираю слова, которые скажу начальнице, но ничего не складывается.

Просто пустота и глухая тревога.

Лифт приезжает, двери открываются, и я делаю шаг внутрь, словно на казнь.

Не успеваю даже расслабиться, как двери лифта вновь открываются, и я оказываюсь на своем этаже.

Выхожу из лифта и тут же натыкаюсь на нашего секретаря.

Вижу, как её глаза широко раскрываются от удивления, когда она замечает меня.

— Олесья? Ничего себе... Ты вернулась? — Голос коллеги полон недоверия и сочувствия одновременно.

— Как видишь, — отвечаю тихо, пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются. — Начальница у себя?

Коллега кивает, не отрывая от меня встревоженного взгляда:

— Она ждёт тебя уже несколько дней. Ты там поосторожнее, настроение у неё... Сама понимаешь.

Киваю и медленно иду по коридору к кабинету начальницы. Стены здесь кажутся узкими, душными, будто бы сжимаются вокруг меня с каждым шагом. Мысленно проговариваю подготовленную речь, но слова путаются и растворяются в моей голове. В груди тревога, такая густая и тяжёлая, что дышать трудно.

Открываю дверь кабинета, и начальница тут же поднимает взгляд от документов. Отчетливо вижу, что в её глазах совсем нет радости от моего появления. Хотя я и сама понимала, что встречать меня тут с караваем не собирались.

— Олесья, какое счастье, что ты решила нас посетить, — сухо бросает она, откидываясь на спинку кресла и сцепляя пальцы рук на столе. — Надеюсь, у тебя есть достойное объяснение?

— Я... — Голос звучит слабо и неуверенно. — Мне очень жаль, что так получилось. У меня были серьёзные личные обстоятельства. И ещё...

Она вскидывает бровь, явно ожидая продолжения:

— Что ещё, Олесья? Мы ждали отчётов. Проект стоял на тебе. Ты исчезла и даже не предупредила. Ты представляешь, какие проблемы создала всей команде?

— Я знаю, и я виновата, — признаюсь честно, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — У меня украли ноутбук со всеми материалами. Я пытаюсь его вернуть, но...

Начальница резко перебивает меня:

— Украли? Ты серьёзно? Это лучшее, что ты смогла придумать?

— Это правда, — настаиваю, чувствуя, как горло сжимает комок слёз. — Я прошу дать мне ещё два дня. Я всё восстановлю. Я обещаю...

Несколько секунд она пристально смотрит на меня, будто решая, верить или нет. Затем, чуть смягчившись, медленно кивает:

— Хорошо, Олесья. Два дня. Только из-за того, что ты раньше никогда не подводила. Но если ты не успеешь — считай, что здесь тебе больше делать нечего. Иди работай.

Выдыхаю, киваю и выхожу из кабинета. Дверь за мной закрывается, и я прислоняюсь спиной к стене. Дрожь в руках постепенно затихает. Два дня. Всего два дня, чтобы собрать воедино свою жизнь.

Медленно иду к лифту, в груди всё ещё тяжело. Пока жду, опираюсь на холодную стену, пытаюсь хоть немного успокоить бешеное сердцебиение. Когда двери открываются, захожу внутрь и нажимаю кнопку своего этажа.

Лифт движется медленно, а мысли всё путаются — всё, что произошло, снова накрывает с головой. Как я докатилась до этого? Как допустила, чтобы всё в жизни так развалилось?

Двери открываются, и я выхожу в коридор. Каждый шаг даётся тяжело, будто сзади тянется целый грузовик проблем.

Выхожу из здания, шурю от яркого солнца и вдруг застываю на месте.

У входа, прислонившись к чёрному внедорожнику, стоит Никита.

Сердце мгновенно сбивается с ритма.

Что он здесь делает?

Его холодный взгляд направлен прямо на меня. Он явно ждал меня здесь, зная, что рано или поздно я появлюсь.

— Никита... — произношу, чувствуя, как голос становится надломленным и слабым.

— Привет, малышка, — говорит он, выпрямляясь.

Никита смотрит прямо на меня, но я опускаю взгляд и вижу в его руках знакомую сумку.

Сердце гулко ударяет в груди, когда понимаю, что это моя сумка с ноутбуком.

— Как ты узнал, что я здесь? — тихо спрашиваю я, подходя ближе, но держа дистанцию.

— У меня свои источники, — отвечает муж спокойно, чуть усмехнувшись. — Ты же не думала, что я просто так тебя смогу отпустить?

Мысленно перебираю, как он мог заполучить ноутбук.

Неужели это был он? Сначала подозревала соседского сына, потом вообще решила, что потеряла всё безвозвратно.

Но теперь...

Вчера чемодан не показался мне слишком лёгким. Неужели он подменил его позже? Или всё это время знал, где мои вещи? И зачем он это сделал? Чтобы держать надо мной контроль?

— Никита, мне сейчас совершенно не до твоих игр. Верни мне, пожалуйста, мой ноутбук, — говорю уверенно, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. — Он нужен мне для работы.

— Конечно, верну, — он делает шаг ко мне, чуть наклоняя голову набок. — Но нам нужно поговорить.

— Нам не о чем разговаривать, — резко отвечаю, чувствуя, как внутри нарастает паника.

— Есть, малышка, и ты это знаешь, — произносит он уверенно и делает шаг в мою сторону.

Никита подходит ближе и протягивает мне сумку. Машинально беру её и прижимаю к себе, не сводя взгляда с предателя.

— Я знаю, как ты дорожишь своей работой, — говорит Никита, чуть тише, но всё так же жёстко. — Не думай, что я пришёл сюда, чтобы тебе мешать. Я просто хочу поговорить.

Стою в растерянности, вглядываясь в его лицо.

Это точно тот же человек? Мой муж? В его глазах нет привычной злости, нет угроз. Только усталость.

И будто сожаление? Почему?

Сжимаю ремень сумки пальцами, чувствуя, как внутри всё клоочет.

Что это было? Зачем он это сделал? Почему именно так? Почему сейчас?

Никита открывает дверь внедорожника и смотрит на меня с тем же серьёзным выражением:

— Садись, — произносит спокойно. — Просто поговорим. Пять минут, Лесь.

Чувствую, как сердце бьётся где-то в горле.

Внутри всё спорит — с одной стороны, он ведёт себя спокойно, не давит, не грубит. С другой — я не уверена, что хочу вновь оказаться с ним наедине.

Но в его руках был мой ноутбук. И он отдал его мне. Просто так. Без условий.

Не понимаю, что происходит. Не узнаю Никиту. Он меняется на глазах — и это пугает даже больше, чем его злость.

Стою, смотрю на открытую дверь машины, и внутри зарождается сомнение.

Довериться? Или развернуться и уйти?

Глава 21

Смотрю на предателя и понимаю, что если сейчас не поговорю с ним, он точно не отстанет и так и будет продолжать меня преследовать.

Нужно уже наконец разобраться со всем этим и расставить все точки.

Тяжело выдыхаю и сажусь в машину.

Даже не представляю, что ждать от Никиты. Чего он пытается добиться? Разве ему не понятно, что я больше совершенно не хочу его видеть? Он разрушил все, что у нас было. Зачем постоянно гонится за мной?

Чувствую, как внутри меня всё напряжено. Виски пульсируют, ладони вспотели, а сердце стучит так громко, что, кажется, Никита сейчас это услышит.

Муж закрывает за мной дверь, проходит за руль и заводит машину.

По телу пробегает холодок. Никита не трогается. Просто сидит, положив руки на руль, и смотрит вперёд.

Кажется, будто я на краю обрыва. Сжимаю сумку с ноутбуком так крепко, что, кажется, пальцы начинают неметь.

— Что ты хочешь, Никита? — выдыхаю, стараясь не дрожать. — Зачем всё это?

Он поворачивает голову не сразу. Губы плотно сжаты, взгляд усталый, но не злой. Будто он пытается подобрать правильные слова.

— Я не могу тебя отпустить, — наконец произносит, глядя не на меня, а куда-то сквозь лобовое стекло. — Я знаю, что накосячил. Измена... Это была ошибка. Глупость. Вспышка. Я сам себя за это ненавижу.

Удивленно вскидываю брови. Ошибка. Как же просто он это называет.

— Ошибка? — голос дрожит, но не срывается. — Если бы это и правда была ошибка, ты бы хотя бы не продолжал делать подлости.

Никита резко поворачивается ко мне. И я вижу, как его брови нахмуриваются.

— Подлости? Что ты имеешь в виду? — произносит удивленно.

Смотрю прямо ему в глаза:

— О ноутбуке. Ты знал, как я держусь за эту работу. Ты знал, что я боюсь её потерять. Но всё равно забрал его, Никита. Это... это уже не ошибка, это гнусная подлость.

Он опускает плечи. Его взгляд становится мягче, даже растерянным:

— Я? Нет. Я не крал у тебя ничего, клянусь.

Хочу перебить, но он продолжает:

— Наша соседка — баба Нина — звонила мне. Сегодня утром. Была в панике. Сказала, что ты ночевала у нее, что у тебя пропал ноутбук, и она подозревает своего сына. Я... я просто поехал искать его.

Слушаю его, и внутри всё мешается — злость, боль, недоверие... Но и лёгкая тень сомнения. Он говорит спокойно, без агрессии. Голос усталый, взгляд честный. Кажется, что он сейчас не врет.

— Нашёл его в каком-то дворе. Он пытался продать его. Не знаю зачем. Я забрал ноутбук, проверил, что всё на месте, и хотел сразу вернуть... но...

Он замолкает. И пристально смотрит мне в глаза:

— Хотел увидеть тебя, — произносит шёпотом.

Всё внутри меня переворачивается от его слов. Почему он так поступает? Неужели он и правда хотел увидеть меня?

Если так любит. Зачем предал?

Отвожу взгляд и смотрю в окно.

Там жизнь проходит как ни в чём не бывало. Машины проезжают, люди спешат по своим делам. Всё идёт, как шло. Только внутри у меня всё перекручено.

Всё сломано.

Пока мир продолжает жить, я будто застряла в этом кресле, в этой машине, между прошлым и будущим, не зная, куда идти.

В груди больно. Никита снова здесь.

Помог. Не скандалил. Не давил. Даже не оправдывался толком.

— Ты стал другим, — произношу тихо, повернувшись к мужу. — Я не узнаю тебя. Но я теперь и сама не та, что была раньше. Слишком устала. Слишком многое пережила.

Никита опускает взгляд на руль, потом снова поднимает на меня:

— Я правда изменился. И хочу, чтобы ты это увидела.

— Слишком поздно, — качаю головой. — Я не могу снова тебе поверить. Не сейчас.

Он долго молчит. Потом выдыхает:

— Я подожду. Сколько потребуется.

Отворачиваюсь, собираясь с мыслями. В груди поднимается горечь, и я тихо, но чётко говорю:

— Я хочу развода, Никита.

Вижу, как он замирает. Секунду просто смотрит на меня, будто не верит услышанному. Что-то сжимается в его лице — боль, разочарование, упрямство. Впервые вижу такую боль на его лице.

Мы продолжаем сидеть, и тишина между нами становится уже не гнетущая. Просто... тяжёлая.

Никита вдруг протягивает руку к рулю, и машина дёргается вперёд.

Вздрагиваю от неожиданности. Сердце в груди как будто взлетает к самому горлу.

— Что ты делаешь?! — почти вскрикиваю, вцепившись в ремень безопасности.

— Не могу просто так отпустить тебя, — отвечает он, смотря на дорогу. — Ты же знаешь, как я тебя люблю.

Сердце замирает, но я не позволяю себе расслабиться.

Если он не может отпустить...

Что он собирается сделать? Что он задумал?

Глава 22

— Никита, остановись. Что бы ты ни задумал, я не собираюсь играть в твои игры, — произношу резко, не сводя с него взгляда.

Он молчит, продолжая смотреть на дорогу. Как будто специально игнорируя меня. Его руки сжаты на руле, движения резкие, но чёткие. Машина несётся вперёд, и я всё сильнее стискиваю ремень безопасности. В груди будто натянутая струна — ещё немного, и порвётся.

— У меня работа! Понимаешь? Мне сейчас не до твоих выкрутасов. Я и так чуть ее не потеряла! И если сейчас не справлюсь, то меня точно уволят. — Голос срывается, и я чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы. Пытаюсь их сдержать, но предательская влага уже подступает к ресницам.

— Я знаю, — отвечает он спокойно. Слишком спокойно. — И я не пытаюсь отнять у тебя твою работу. Я просто... хочу, чтобы ты услышала меня. Хоть раз. Без крика. Без обиды.

— А разве ты когда-то слушал меня? — Выпаливаю резко. — Когда всё рушилось, ты где был, Никита? С ней, да?

Он сжимает руль сильнее, и я вижу, как костяшки его пальцев белеют. Чувствую, как мои слова задела его, но он продолжает ехать, не отрывая взгляда от дороги.

— Я не оправдываюсь. Я просто хочу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.